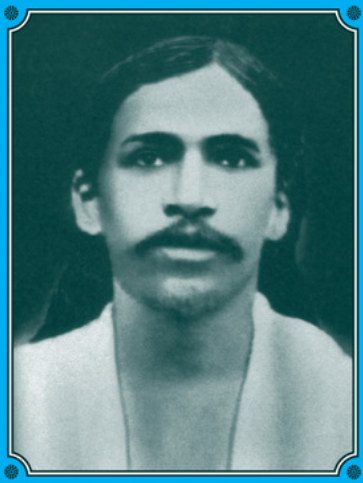
ШРИ АУРОБИНДО



Основы индийской культуры

Шри Ауробиндо

Шри Ауробиндо. Основы индийской культуры

Серия «Шри Ауробиндо. Собрание сочинений», книга 8

Текст предоставлен издательством «Адити»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746210
Шри Ауробиндо. Основы индийской культуры: Адити; Санкт-Петербург; 1998
ISBN 5-7938-0007-7

Аннотация

В работе «Основы индийской культуры», представленной в этом томе, Шри Ауробиндо подвергает детальному исследованию основные направления развития индийской культуры: искусство и литературу, религию и философию, социально-политическую и общественную сферу – и раскрывает ее истинное значение и место среди народов мира, а также секрет ее удивительной жизнеспособности, предвидя выдающуюся роль, которую Индии уготовано сыграть в духовной эволюции земли.

Содержание

Предисловие 4
Биографическая справка 8
I 12
1 12
2 36
3 60
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Шри Ауробиндо
Основы Индийской Культуры

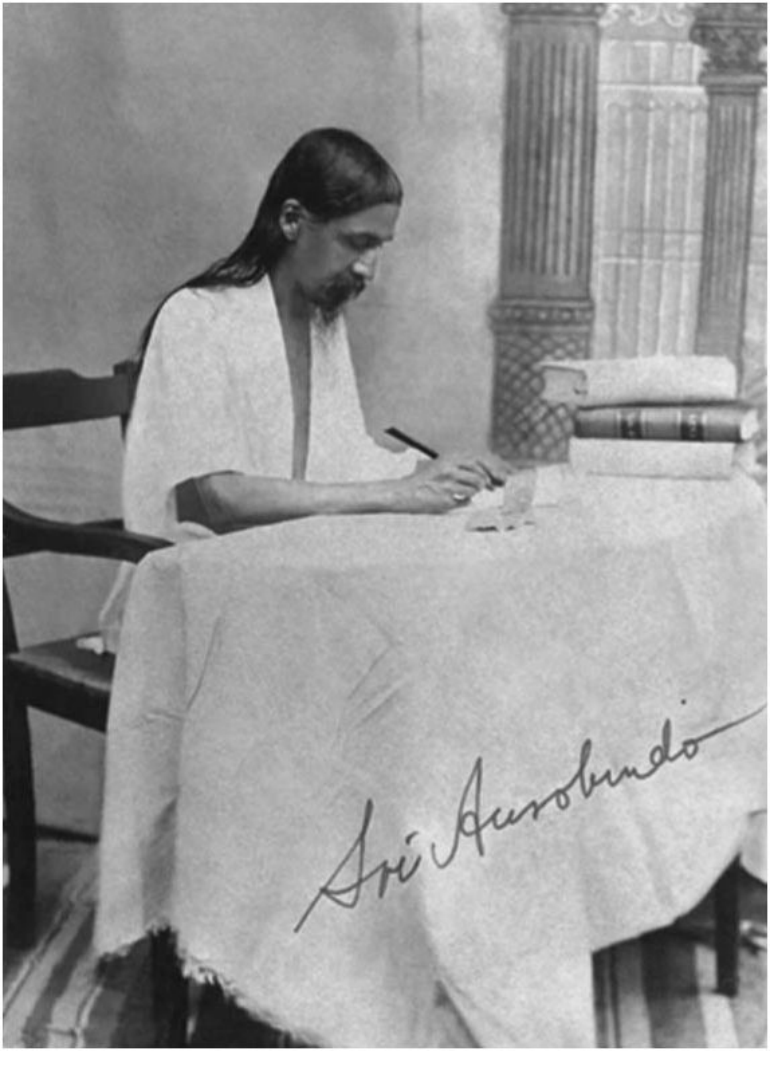
Предисловие

Очерки, вошедшие в данный сборник, обычно издаются как единая книга под общим названием «Основы индийской культуры», которое, однако, не было дано ей самим Шри Ауробиндо. Сборник под таким названием впервые вышел из печати в 1953 г. в Нью-Йорке.

Предлагаемый сборник очерков публиковался изначально в виде отдельных статей в ежемесячных выпусках журнала «Арья» в период с 1916 по 1921 г. В то время самобытные идеи и непреходящие ценности индийской культуры нередко подвергались нападкам со стороны западной критики, преследовавшей интересы сохранения европейского господства в Азии. В такой ситуации Шри Ауробиндо счел необходимым дать резкий отпор нападкам враждебных критиков, чтобы содействовать восстановлению доверия своих соотечественников к национальным культурным и духовным традициям и к историческому прошлому Индии. В ответ на оскорбительные заявления представителей западного раци-

онализма Шри Ауробиндо утверждает, что духовная Истина, верность которой Индия сохраняла на протяжении многих веков, в конечном счете восторжествует и преобразит всю человеческую жизнь.

В своей книге Шри Ауробиндо раскрывает истинное значение и роль индийской культуры в судьбе народов мира, а также секрет ее удивительной жизнеспособности, предвидя выдающееся место, которое займет Индия в духовной эволюции земли. Шри Ауробиндо подвергает детальному исследованию основные направления развития индийской культуры: искусство и литературу, религию и философию, социально-политическую и общественную сферу. Анализируя причины временного упадка этой великой цивилизации на протяжении последних столетий, Шри Ауробиндо предрекает ее возрождение, провозвестием которого и является вся его жизнь и творчество.


Sri Aurobindo

Шри Ауробиндо. Пондичери, 1915–1918 г.

Биографическая справка

Шри Ауробиндо – выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин – родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье доктора Гхоша, происходившего из знатного рода воинов-кшатриев. С семилетнего возраста обучался в Англии – сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет он проявил выдающиеся способности в латыни и греческом, а также в стихосложении.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет он занимает различные посты в администрации города Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. Кроме того, в эти годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом освободительного движения, впервые выдвинув идеал полной независимости страны, а также сформулировав конкретные методы его достижения. Одновременно он продолжает свое поэтическое творчество, а также погружается в изучение культурного и духовного на-

следия Индии, овладевает санскритом и другими ее языками и начинает постигать ее древние священные писания. Осознав подлинное могущество и ценность духовных открытий, давших жизнь всей ее богатейшей многовековой культуре, он в 1904 г. решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме по обвинению, грозившему ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден.

Этот год стал для него «университетом йоги»: он достиг фундаментальных духовных реализаций и осознал, что его цель не ограничивается освобождением Индии от иноземного господства, но состоит в революционном преобразовании всей природы мироздания, в победе над неведением, ложью, страданием и смертью.

В 1910 г., повинуясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичери, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжить интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплоще-

ние на земле «жизни божественной». Достижению этой цели он и посвятил себя, разработав для этого свою Интегральную Йогу.

С 1914 по 1921 г. он издает ежемесячное философское обозрение «Арья», где публикует свои главные труды, в которых подробно рассматривает основные сферы человеческого бытия в свете высшего Знания, обретенного в результате практики йоги, раскрывает истинный смысл древних писаний – Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, исследует проблемы развития общества, эволюцию поэзии и поэтического творчества.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает 35 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он создавал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В центре уникального мировоззрения Шри Ауробиндо – утверждение о том, что мировая эволюция есть постепенное самопроявление, самообнаружение Божества, скрыто пребывающего в Природе в результате предшествующей инволюции. Поэтапно восходя от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, эволюция не останавливается на человеке, но, реализуя свою внутреннюю ис-

тину, тайную Божественность, устремляется дальше, к созданию более совершенного, «божественного» вида, который будет превосходить человека в гораздо большей мере, чем тот превосходит животное. Человек – лишь переходное ментальное существо, чье призвание – достичь более высокого, «супраментального», уровня сознания, Сознания-Истины, и низвести его в мир, преобразив все свое существо и всю жизнь в непосредственное выражение Истины.

Всю свою жизнь Шри Ауробиндо посвятил утверждению в нашем мире этого супраментального сознания, реализация которого должна привести к созданию на земле мира истины, гармонии и справедливости, предвещенного пророками всех времен и народов.

I
Считать ли Индию цивилизованной страной?

1

Книгу под таким весьма настораживающим названием опубликовал несколько лет назад сэр Джон Вудрофф[1], видный исследователь тантристской[2] философии и автор ряда

---

[1] Имеется в виду книга Дж. Вудроффа «Считать ли Индию цивилизованной страной?», впервые опубликованная в 1918 г. и выдержавшая несколько изданий. *Дж. Вудрофф* (Авалон) – признанный специалист в области тантристской философии, автор фундаментальных исследований «Принципы тантры» (т. 1, 2, Лондон,1914–1916), «Змеиная сила» (Лондон, 1919; Мадрас, 1922), «Тантра великого освобождения» (Лондон, 1913) и др.

[2] *Тантризм* – религиозно-философское учение и практика, сложившиеся в первые века н. э. и существующие в Индии по сей день. Исторически тантризм возник как учение, связанное с культом женского начала и магическими обрядами, посвященными плодородию. Целью тантристских обрядов является получение сверхъестественных сил. Большое внимание в тантризме уделяется произнесению мистических слогов, медитациям над диаграммами и технике дыхательных упражнений. Два направления тантризма – «вамачара» («обряд левой руки») и «дакшиначара» («обряд правой руки») – существенно расходятся между собой в некоторых мировоззренческих положениях и ритуальной практике. Шри Ауробиндо крайне негативно относился к требованию ритуальных половых сношений, употреблению в пищу наркотиков, вина и мяса, практиковавшимся

соответствующих трудов, как ответ на экстравагантное *jeu d'esprit*[3] Уильяма Арчера[4]. Этот известный театральный критик оставил привычную, естественную для него сферу деятельности ради другой, в которой проявил себя полным невеждой, обрушившись на жизнь и культуру Индии, скопом осудив величайшие достижения ее философии, религии, поэзии, живописи и скульптуры, Упанишады[5], Махаб-

---

в «вамачаре». Одновременно он проявлял интерес к философским основаниям «дакшиначары», в которой подобные требования отсутствуют.

[3] *jeu d'esprit* (фр.) – острота, шутка.

[4] *Уильям У. Арчер* – известный британский искусствовед и литератор. Автор ряда книг по индийскому искусству («Живопись Центральной Индии», «Живопись Кангры», «Любовь Кришны в индийской живописи и поэзии» и др.). В оценке культурного наследия Индии находился под влиянием европоцентристских установок британского философа А. Э. Гау, автора труда «Философия Упанишад и древнеиндийская метафизика» (Лондон, 1882). Отрицая научные достоинства за индийской философией, А. Э. Гау руководствовался в своих исследованиях положением о «неполноценности наследственного типа индийского характера». Он расценивал древних индийцев как представителей «низшей расы, застойной культуры, интеллектуальное развитие которых происходит в стороне от общего движения человеческого мышления».Его уничижительные оценки морального облика, духовного и культурного наследия индийского народа не разделялись уже многими его современниками. В XIX веке в трудах П. Дейссена, Ф. Макса Мюллера и других видных европейских индологов последовательно проводилась мысль об огромном вкладе Индии в сокровищницу мировой культуры и о величайших достижениях индийцев, в частности, в области философского знания.

[5] Упанишады – заключительная часть Вед, канона индуистов. Классические Упанишады датируются обычно VII–III в. до н. э. Охватывают широкий круг вопросов, связанных с пониманием природы высшего первоначала – источника существования мира, знание которого обеспечивает «спасение». Рассматриваются разные варианты понимания человека и мира и связей между ними. Практи-

харату[6], Рамаяну[7], как проявление неслыханного варварства. Многие тогда сочли, что отвечать на критику такого рода все равно, что стрелять из пушки по воробьям (в настоящем случае, скорее, по осам). Сэр Джон Вудрофф, однако, счел невозможным игнорировать даже столь невежествен-

---

чески все школы классической индийской философии так или иначе связаны с Упанишадами.

[6] Махабхарата («Великое сказание о Бхаратах» или «Сказание о великих Бхаратах») – эпическая поэма объемом более 100 тысяч шлок, из дошедших до нас самая длинная поэма в мире. Состоит из 18 книг, к которым добавлена более поздняя по происхождению 19-я книга «Харивамша», повествующая об истории царского рода. Поэма создавалась и редактировалась на протяжении долгого исторического периода. Ранние ее слои относятся к VI–V в. до н. э., поздние – к V в. н. э. Авторство приписывается легендарному мудрецу Вьясе.Махабхарата посвящена истории борьбы потомков Бхараты, основателя династии Бхаратов, двоюродных братьев Пандавов и Кауравов. Основная сюжетная линия, впрочем, занимает не более одной четверти всего текста. Махабхарата насыщена вставными сюжетами, сказками, мистическими сказаниями, древними историями. Содержание ее столь разнообразно, что поэму часто называют «энциклопедией индийской жизни». Махабхарата является ценнейшим источником знания для историка восточных обществ.Махабхарата пользуется широчайшей известностью среди индийского населения. Отдельные ее части послужили сюжетами для многочисленных литературных произведений более позднего времени.

[7] Рамаяна – эпическое произведение, состоящее из трех книг объемом 24 тысячи шлок. Создана позднее Махабхараты, хотя, как считают многие исследователи, сюжет Рамаяны древнее. Составление первой части поэмы относят к IV в. до н. э. Автором называют легендарного поэта Вальмики.Рамаяна описывает приключения царя Рамы, седьмого воплощения бога Вишну. Рамаяна сравнительно с Махабхаратой беднее историческими сведениями, но и она содержит много данных о государственном строе, общественных отношениях, культуре, религиозной жизни древней Индии. Ее сюжеты часто используются в других литературных произведениях.

ные нападки, ибо усмотрел в них весьма поучительное обобщение, поскольку они, во-первых, основывались не на христианско-миссионерских, а на рационалистических позициях, а во-вторых, были характерными в своем роде и имели общую почву с такого рода аргументами и нападками. Важность книги сэра Джона Вудроффа заключается не столько в отповеди отдельному критику, сколько в том, что в ней с большой остротой и силой ставится вопрос о выживании индийской цивилизации вообще и о неизбежности войны культур.

Вопрос о том, была ли и существует ли сейчас цивилизация в Индии, давно снят с обсуждения, поскольку все, чье мнение заслуживает внимания, признают существование самобытной, единственной в своем роде великой цивилизации. Сэр Джон Вудрофф задался целью раскрыть сущность конфликта между европейской и азиатской культурами и в еще большей степени выявить особый смысл и ценность индийской цивилизации, показать опасность, которая ей угрожает, и катастрофичность ее утраты для всего мира. Он считал сохранение индийской цивилизации чрезвычайно важным для человечества, а угрозу ее исчезновения весьма серьезной. В головокружительном вихре перемен, охвативших человечество в результате нынешнего урагана смут, древняя культура Индии, подвергающаяся в особенности на материальном уровне давлению со стороны европейского модернизма, преданная равнодушием своих сыновей, может ис-

чезнуть навеки вместе с душой народа, дающей ей жизнь. Книга была настойчивым призывом к осознанию бесценности священного наследия Индии, к осознанию нависшей над ним угрозы и требовала твердости и верности в час испытаний. Приведем вкратце содержание этой книги, прежде чем перейти к обсуждению этой важнейшей темы.

Человек естественным и законным образом стремится к подлинному счастью в этом мире, которое заключается в создании и поддержании состояния гармонии между духом, умом и телом. Культуру следует оценивать в зависимости от того, насколько удачно она сумела подобрать ключ к этой гармонии и выразить ее своими средствами. О цивилизации же следует судить по тому, каким образом взаимодействуют все ее основополагающие принципы, идеи, формы и образ жизни, выражающие эту гармонию, ее ритмы и беспрерывность ее поступательного развития. Преследуя эту цель, цивилизация может быть по преимуществу материалистической, как современная европейская культура, в ней может преобладать разум и интеллект, как в древней греко-римской, или духовное начало, как в поныне сохранившейся культуре Индии. Центральной в индийской культуре является концепция Вечного, согласно которой Дух заключен в материю и скрыто присутствует в ней; он эволюционирует на материальном уровне в ходе череды сменяющихся рождений и жизней индивида, двигаясь от низшего к высшему, пока в разумном человеке не достигнет мира понятий и сфе-

ры осознанной нравственности, *дхармы*. Это завоевание, эта победа над несознающей себя материей, развивается и совершенствуется, достигая все больших высот, пока все возрастающее проявление саттвической или духовной составляющей разума не позволит индивидуальному ментальному существу в человеке отождествить себя с чистым духовным сознанием за пределами Разума. На этой концепции построена вся система социального устройства Индии, ее философия и религия, обращенные к духовному сознанию и обретению его плодов, ее литература и искусство, устремленные к высшим идеалам, вся ее Дхарма, или закон бытия. Индия признает прогресс, но прогресс духовный и внутренний, в противовес внешнему процессу количественного накопления благ материальной цивилизации. Самобытная ценность индийской культуры как раз в том и заключена, что Индия строит свою жизнь на возвышенных идеалах, на устремленности к духовному и вечному. При всех несовершенствах человеческого характера приверженность Индии этому высшему идеалу ставит ее народ в исключительное положение по отношению к другим народам мира.

Однако существуют и другие культуры, в основе которых лежат другие принципы, зачастую совершенно противоположные. И по закону противоборства, главному закону жизни материальной вселенной, различающиеся культуры не могут не вступить в конфликт. Потребность экспансии, заложенная самой Природой, побуждает цивилизации к

распространению и попутному разрушению и ассимиляции чуждых им элементов других культур. Конфликт, разумеется, не есть последняя или идеальная фаза развития, наступающая при свободном сосуществовании разных культур в обстановке мира и взаимоуважения, когда каждая культура сохраняет свою целостность и осознает себя частью единого мирового процесса. Однако, пока доминирует принцип противоборства, приходится подчиняться действию низшего закона: в разгар битвы гибельно складывать оружие. Культура, которая отказывается от своей живой самобытности, цивилизация, которая пренебрегает активной самозащитой, будут обязательно поглощены другими, и при этом народ, утратив свою душу, погибнет. Каждый народ представляет собой Шакти или силу эволюционирующего в человечестве духа, воплощая в себе определенный принцип. Индия есть Бхарата[8] Шакти – живая энергия великой духовной идеи, верность которой составляет принцип ее существования. Только благодаря приверженности этой идее индийский народ обрел бессмертие, в этом заключается секрет поразительной устойчивости индийской национальной культуры, ее способности к выживанию и самовозрождению.

В историческом плане принцип противоборства проявил-

---

[8] *Бхарата* или *Бхаратаварша* (страна Бхаратов) – древнее название Индии. В сознании ортодоксальных индуистов образование индийского государства связывается с именем легендарного воителя Бхараты из Лунной династии Пауравов, подчинившего или объединившего в глубокой древности несколько племен в северной Индии.

ся в многовековом конфликте между Азией и Европой. Этот конфликт и взаимопроникающие влияния двух культур имеют материальную, культурную и духовную стороны. Европа не раз пыталась навязать Азии свои материальные и духовные ценности, Азия, в свою очередь, также стремилась покорить, ассимилировать Европу и доминировать над ней. Две великие силы, Восток и Запад, всегда противостояли друг другу, с переменным успехом ведя наступление друг на друга. Азиатские культуры всегда в большей или меньшей степени проявляли тяготение к духовности; Индия в этом отношении является квинтэссенцией азиатской культуры и образа жизни. В европейской средневековой культуре под влиянием христианства, которое зародилось в Азии, преобладали духовные мотивы; тогда в культурах Востока и Запада прослеживалось значительное сходство, хотя сохранялись и определенные различия. При этом различия в характере и выразительных средствах двух культур наблюдались постоянно. Вот уже несколько веков, как Европа превратилась в материалистическую, хищную, агрессивную цивилизацию, утратив гармонию между внутренним и внешним миром человека, что представляет истинную ценность всякой культуры и является эффективным средством, обеспечивающим истинный прогресс. Европа обрела новых богов в образах материального комфорта, материального прогресса, материальной продуктивности. Современная европейская цивилизация это как раз та самая материалистическая культура, ко-

торая вторглась в Азию и обрушилась с яростными нападками на индийский идеал. Верная своим духовным принципам, Индия никогда не участвовала в захватнических войнах Азии против Европы; она всегда использовала другой метод – завоевывала мир своими идеями, как на наших глазах делает это и сегодня. Но сейчас она физически оккупирована Европой, и это завоевание не может быть не связано с попыткой культурного вторжения, свидетелями которого мы являемся. С другой стороны, английское правление позволило Индии сохранить свою самобытность и социальный уклад; оно способствовало пробуждению индийского самосознания, и пока Индия еще не осознавала свою мощь, английское правление ограждало ее от наводнения, которое, в противном случае, затопило бы и уничтожило ее цивилизацию.

Сейчас Индия должна вновь обрести свое лицо, защитить свою культуру от чужеземного влияния и сохранить свою самобытность, столь необходимую ей самой и всему человечеству.

Однако возникает множество вопросов – и главный из них в том, насколько правомерны действия в духе защиты и нападения, не будет ли правильнее руководствоваться духом единства, гармонии, взаимообмена как более соответствующим нашему настроению на этапе формирования нового человека? Разве единая мировая культура не есть перспектива человечества будущего? И как может любая культура, склон-

ная к крайностям духовным и материалистическим, служить прочным основанием для человеческого прогресса и совершенства? Удачное и разумное сочетание духовного и материального было бы лучшим средством к достижению гармонии Духа, Ума и Тела. Возникает также вопрос о том, должны ли сохраняться в своем изначальном виде формы и дух индийской культуры? Автор дает ответы на эти вопросы в предлагаемом им законе постепенности духовного развития человечества, которое должно пройти через три последовательные стадии становления.

Первая – это период конфликта и соперничества, преобладавших в прошлом и все еще сохраняющихся сегодня. Ибо даже при ослаблении наиболее грубых форм проявления физических конфликтов сам по себе конфликт продолжает существовать и акцент переносится на противоборство культур. Вторая – это стадия взаимодействия культур. Третья – и последняя – характеризуется духом жертвенности, когда каждая культура готова идти на жертвы во имя блага других, так как все осознается как составные части единого Бытия. Для большинства еще не наступила даже вторая стадия, а третья относится к туманному будущему. Отдельные единицы достигли наивысших ступеней развития; совершенный саньясин, освобожденный человек, душа, достигшая единства с Духом, воспринимает все сущее как свое «Я», и для него нет нужды ни в самозащите, ни в нападении. В мировосприятии, по которому живет освобожденный человек, про-

тивоборству нет места, принцип, которым он руководствуется, это жертвенность и самоотдача. Однако ни один народ такого уровня еще не достиг, а принудительное или невежественное следование закону или принципу, противоречащему истине своего уровня сознания, есть ложь и саморазрушение. Смирение овцы, позволяющей волку загрызть себя, не ведет к духовному росту и развитию. Взаимодействие или единство может прийти в свое время, но оно должно иметь в своей основе свободу разнообразия, но никак не поглощение одной культуры другой или беспорядочное смешение разнородных элементов. Единство не может наступить прежде, чем мир будет готов к нему. Сложить оружие во время боя значит потерпеть поражение, которое не может быть оправдано никакими духовными идеалами.[9]

Духовное и материальное должны находиться в состоянии совершенной гармонии, поскольку дух действует через ум

---

[9] Здесь Шри Ауробиндо проводит частичную аналогию между развитием общества и развитием индивида, последовательно проходящего разные этапы в своей жизни на пути продвижения к Наивысшему. Согласно индуистским представлениям, жизнь дваждырожденного, т. е. представителя трех высших варн (брахманов, кшатриев, вайшьев), делится на четыре стадии. На первой он предстает учеником (брахмачарин), на второй – домохозяином (грихастха), на третьей – лесным отшельником (ванапрастха), на четвертой – аскетом (саньясином). Завершающую часть жизни члены высших варн должны проводить в странствиях. Саньясин совершает специальный обряд и получает новое имя. Собственность, семья и близкие не должны привязывать его к земному миру. Саньясин преодолел или почти преодолел чувство «самости», он не отделяет себя от окружающего мира. У него нет иного желания, кроме желания «освободиться», познать Наивысшее.

и тело. Но чисто интеллектуальная или обремененная материальностью культура типа той, которую сейчас предпочитает Европа, несет в своем сердце семя смерти, ибо живая цель культуры – это реализация на земле царства Божия. Хотя Индия устремлена к Вечному, как высшему идеалу, в ее собственной культуре и философии есть высокое сочетание вечного с преходящим, так что ей незачем заимствовать его со стороны, у других культур. Подобным же образом, стремление к сбалансированности ума, тела и духа в гармоничной культуре не менее важно, чем чисто духовные идеалы, потому что форма есть средство самовыражения духа. Из этого следует, что разрушение формы препятствует самовыражению духа или, по меньшей мере, создает помехи. Формы могут и будут меняться, но вновь созданное образование должно нести в себе новые элементы самовыражения или творчества, которые проецируются из внутренней сущности и должны быть органически связаны с духом, а не заимствоваться рабски из чуждой культуры.

Каково же в таком случае положение Индии в этот критический для нее час и насколько правильно утверждение, будто она по-прежнему находится на извечных непоколебимых позициях? Индия уже подверглась сильному влиянию европейской культуры, и опасность ее дальнейшего воздействия отнюдь не миновала; напротив, в ближайшем будущем эта опасность усилится и станет более грозной. Азия опять поднимается на ноги, и этот факт приведет – и уже приво-

дит – к удвоенным усилиям со стороны европейской цивилизации по ее ассимиляции, усилиям естественным и нормальным согласно закону противоборства, поскольку Азия, трансформированная и подчиненная в культурном отношении, опять став фактором в материальном порядке мира, уже не будет представлять для Европы угрозу вторжения азиатского идеала. Здесь мы имеем дело с культурным противоборством, осложненным политическими соображениями. Азия должна в культурном плане стать провинцией Европы, а в политическом – образовать часть европеизированного, если не европейского единства; в противном случае Европа может превратиться в культурную провинцию Азии в новом мировом порядке под сильным влиянием богатых, многочисленных и сильных азиатских народов. Нападки мистера Арчера имеют явную политическую подоплеку. Смысл всей его книги сводится к тому, что мир должен перестраиваться по образу и подобию рационалистической и материалистической европейской цивилизации. По его логике, если Индия останется верна своему культурному наследию, своим духовным стремлениям и будет стараться претворить их в жизнь, такая Индия станет живым отрицанием, уродливым «пятном» в этом прекрасном, светлом, рационалистическом мире. Она или должна целиком европеизироваться, стать полностью рационалистической и материалистической и тем самым заслужить себе свободу, или же ее придется держать в подчинении, чтобы ею правили те, кто стоит выше нее

в культурном отношении; ее население в три сотни миллионов религиозных дикарей-фанатиков должно быть жестко подавлено и вымуштровано благородными и просвещенными христианско-атеистическими европейскими тюремщиками и наставниками. И пусть это не покажется преувеличением, поскольку точно передает суть проблемы. В ответ на наступление со стороны Запада, которое, правда, нельзя считать тотальным, поскольку понимание индийской культуры и уважение к ней сейчас распространилось шире, чем раньше, – Индия действительно пробуждается и защищается, однако без той целеустремленности, ясного видения цели и твердой решимости, что только и может спасти ее. Сегодня опасность близка, и Индия должна сделать выбор – выжить ей или погибнуть, третьего не дано.

Нельзя недооценивать серьезность ситуации; последние высказывания европейских публицистов и государственных деятелей, недавно вышедшие книги и статьи, направленные против Индии и принятые с энтузиазмом на Западе, – все это свидетельствует о реальности угрозы, нависшей над Индией, которая с неизбежностью проистекает из нынешней политической ситуации и тенденций развития культуры в этот критический период решающих перемен. Нет нужды прослеживать все взгляды автора, нашедшие отражение в его книге. Я лично не могу полностью разделить его восторгов по поводу средневековой европейской цивилизации. Для меня интерес, придаваемый ей красотой ее художественного наследия,

глубокими и искренними духовными устремлениями, омрачается значительной долей невежества и обскурантизма, жестокой нетерпимости, отталкивающей раннетевтонской грубости, злобности и примитивности. Мне кажется, что автор, пожалуй, чересчур суров в осуждении более поздней европейской культуры. Этот по преимуществу экономический тип цивилизации достаточно уродливо проявился во времена утилитарного материализма – и мы совершим серьезную ошибку, если пойдем по пути его копирования; хотя он и был в какой-то степени облагорожен возвышенными идеями, делающими честь европейской культуре. Но даже эти лучшие образы слишком примитивны и несовершенны по своей форме, нуждаются в одухотворении своего содержания, прежде чем могут быть полностью приняты в Индии. Мне также кажется, что автор несколько недооценил силу, стоящую за возрождением Индии. Я имею в виду не внешнюю сторону проявления силы, так как внешние проявления очень ограниченны, но неотвратимость наступления этого возрождения, его скрытую духовную мощь. Вместе с тем он переоценил роль индийцев раболепного типа, способных напыщенно и подобострастно заявлять, что «…европейские институты являются эталоном, к которому стремится Индия». Помимо стремительно убывающего класса, к которому и относится автор, такого рода заявления справедливы лишь в одной чрезвычайно важной сфере – в политической, и надо признать, что именно в этой сфере кроется серьезная

потенциальная опасность. Но даже здесь имеются признаки радикальных перемен в настроениях, хотя еще и не принявших отчетливых форм, которым сейчас предстоит соприкоснуться с новым натиском европеизма, вдохновленным воинствующим примитивизмом пролетарской России. Автор не придает большого значения все возрастающему проникновению духовной мысли Индии в Европу и Америку, что является реакцией Индии на европейское вторжение в ее культуру. Именно под этим углом зрения вся проблема видится в другом свете.

Сэр Джон Вудрофф призывает нас к активной самозащите. Но сама по себе защита в условиях современного противоборства может привести только к поражению; раз уж битвы не избежать, то единственно правильная стратегия, которой следует придерживаться, это активное нападение, построенное на сильной, жизнеспособной и мобильной обороне, ибо только нападая можно успешно обороняться. Почему определенный класс индийского общества все еще находится под гипнозом европейской культуры и почему все мы по-прежнему остаемся под влиянием Европы в сфере политики? Потому что у индийцев сложился стереотип сильной, творчески активной и деятельной Европы наряду со слабой, негибкой и малоэффективной позицией Индии. Однако всякий раз, когда индийскому духу удавалось оказывать противодействие, активно нападая и проявляя творческую энергию, европейский блеск сразу же терял свою притягательную

силу. Никто сейчас не придает значения религиозному наступлению Европы, поначалу столь активному, потому что творческая сила возрождения индуизма сделала индийскую религию жизнеспособной, продуктивной силой, способной к победному самоутверждению, что наиболее ярко проявилось в двух событиях – в теософском движении[10] и появлении Свами Вивекананды[11] в Чикаго. Эти два события про-

---

[10] Понятие *«теософия»* употребляется в широком и узком смыслах. В широком смысле теософия охватывает любое мистическое постижение Бога, и в этом смысле теософией именовали, к примеру, неоплатонизм и даже учения некоторых философов Серебряного века в России (В. С. Соловьев).В узком смысле теософия есть направление в познании Высшего духовного принципа, разработанное Е. П. Блаватской (1831–1891), основавшей в 1875 г. в Нью-Йорке вместе с Г. Олкоттом Теософское общество. В 1882 г. центр Теософского общества переместился в Индию, где оно активно функционирует и по сей день.Теософия в этом смысле являет собой эклектическое соединение разных учений, претендующее на установление некоего единообразия всех известных религий и распространение в мире идей о всеобщем братстве. Многим индийцам импонировало теософское понимание Бога, почерпнутое преимущественно из буддийских эзотерических учений и дополненное некоторыми идеями Упанишад, классической индийской философии, раннего христианства и отдельными положениями из учений Пифагора и Платона. Велика роль теософов в организации книгоиздательской деятельности в Индии и публикации многих памятников индийской письменности.

[11] *Свами Вивекананда* (1863–1902) – выдающийся мыслитель и реформатор индуизма, основатель Миссии Рамакришны в Калькутте (1897). Его выступления на Всемирном парламенте религий в Чикаго (1893) произвели огромное впечатление на западный мир. Он прочел цикл лекций об индийской философии в Америке и Европе (1893–1896) и выпустил несколько книг. Как первый популяризатор индийской философии на Западе он сделал многое для ознакомления читающей публики Америки и Европы с индийским духовным наследием. Внес большой вклад в развитие чувства гордости и становление национального само-

демонстрировали духовные идеалы Индии уже не в обороне, а в наступлении на материалистический менталитет Запада. Вся индийская культура была сведена к примитивному уровню и перекроена на европейский лад в соответствии с английскими эстетическими представлениями, которые насаждались английской системой образования и воспитания, пока в Бенгалии не возникла своя блестящая самобытная школа живописи,[12] которую как внезапно взошедшую звезду не могли не заметить и в Токио, и в Лондоне, и в Париже. Это важное культурное событие послужило началом эстетической революции, еще продолжающейся сегодня в Индии и неминуемой для ее будущего возрождения. Подобные явления происходят и в других сферах жизни. Даже в политике дух национального возрождения сказался на содержании политической платформы так называемой экстремист-

---

сознания индийского народа. На идеях Свами Вивекананды основываются учения многих борцов за национальную независимость. Шри Ауробиндо именовал Свами Вивекананду зачинателем коренного переосмысления традиционных индуистских принципов и высоко ценил его реформаторскую деятельность.

[12] В конце XIX – начале XX в. после периода почти двухсотлетнего упадка в Индии отмечается подъем художественной жизни. В Калькутте, Мадрасе и Бомбее организуются художественные училища, в которых преподается западное и индийское искусство. В 1903–1904 г. Абаниндранат Тагор (1871–1951) создал в Калькутте школу, получившую название «бенгальской». Ее ученики удачно сочетали европейскую и индийскую технику, оставаясь по духу всецело индийскими художниками. Они возродили интерес к традиционному искусству, пользуясь обычно техникой акварели и выбирая в качестве сюжетов темы из индийских народных легенд и произведений классической литературы.

ской партии в движении *свадеши*,[13] которое пыталось преодолеть укоренившееся мнение о невозможности создания в Индии политической системы, отличной от европейской. И если эти попытки не увенчались успехом, то произошло это не из-за слабости самой идеи, а под давлением враждебных сил, а также из-за апатии, все еще ощутимой со времен былого застоя; так или иначе, затраченные усилия не пропали даром и остались как важная веха на пути национального возрождения. Неудавшиеся попытки будут возобновляться снова и снова, как только обстоятельства будут принимать благоприятный оборот. Но пока победа еще не одержана, душа Индии находится под угрозой гибели, поскольку за политической европеизацией последует и социальная, которая приведет страну к культурной и духовной гибели. Чтобы защита была эффективной, наступление должно быть успешным и творчески продуманным.

Но если мы желаем увидеть подлинные очертания этой огромной проблемы, ее необходимо рассмотреть в широком общемировом контексте. Международные отношения сего-

---

[13] В первое десятилетие XX в. в освободительном движении сложились различные по социально-политической ориентации течения. «Умеренные» представители Индийского национального конгресса, возглавлявшего движение, видели образец для подражания в западноевропейской парламентской системе и связывали достижение независимости, под которой понимали самоуправление, с постепенным переходом власти к индийцам. «Крайние» стремились добиться цели путем организации выступлений, забастовок и принимали активное участие в кампании бойкота английских товаров с целью поощрения отечественной промышленности (свадеши).

дня и в ближайшем будущем будут строиться на принципе противоборства, конфликта и состязательности; даже если человечеству повезет и в обозримом будущем прекратятся войны, конфликты останутся и приобретут другие формы. В то же время наиболее заметным явлением современной жизни становится все возрастающая взаимосвязанность человеческого общества, что стало особенно очевидно в послевоенный период. На сегодняшний день человечество сближается на основе научно-технических достижений и вынужденных обстоятельств, но это еще далеко не единство человечества и даже не его преддверие. Но даже нынешние процессы физического сближения должны неизбежно принести свои плоды как в интеллектуальной, так и в культурной и психологической сфере. Поначалу все это, скорее, приведет к обострению конфликта по многим направлениям, усилит политическое и экономическое противоборство в различных областях и усугубит противостояние культур. Может случиться, что, в конечном счете, произойдет поглощение и разрушение всех цивилизаций какой-то одной культурой агрессивного европейского типа. Какая из европейских культур окажется доминирующей, буржуазно-экономическая, рабоче-материалистическая или рационалистически-интеллектуальная, сейчас трудно сказать, но в настоящее время вероятность такого исхода весьма велика. С другой стороны, упомянутое сближение народов может привести к определенному свободному единению на общей для всех основе. Но идеал пол-

ной обособленности народов, каждый из которых развивает свою собственную культуру, прочно отгороженную от чужих идей и культурных форм, едва ли окажется жизнеспособным. В противном случае должен потерпеть поражение всеобщий замысел Природы, готовящий глобальное объединение, что маловероятно, но в принципе возможно. Европа доминирует в мире, поэтому естественно было бы предвидеть развитие мира по западной модели с настолько незначительными различиями, насколько это может быть допущено в рамках европейского единства, сосредоточенного всецело на строго научном развитии и организации материальной жизни. Но эту возможность перечеркивает факт существования Индии.

Сэр Джон Вудрофф цитирует утверждение профессора Лоуэса Дикинсона о том, что противостоят друг другу не столько Азия и Европа, сколько Индия и весь остальной мир. В этом есть своя правда, но культурное противостояние Азии и Европы остается неопровержимым фактом. Духовность не является монополией Индии, духовность есть неотъемлемая часть человеческой природы, сколько бы она ни скрывалась под маской интеллекта или ни пряталась под другими покровами. Но есть разница между духовностью, как движущим мотивом и определяющим фактором равно как внутренней, так и внешней жизни, и духовностью, подавляемой и дозволенной лишь в замаскированном виде и вытесненной на второстепенное место по отношению к ин-

теллекту или господствующему материалистическому сознанию. Первый вариант – это тип древней мудрости, преобладавшей во всех цивилизованных странах от Китая до Перу. Все, кроме Индии, отступились от нее, одни частично, а иные, как Европа, полностью. Или же, как происходит сейчас в Азии, древняя мудрость оказалась под угрозой забвения во имя распространения цивилизации современного типа – экономической, коммерческой, индустриальной, интеллектуально утилитарной. Одна только Индия, несмотря на утрату былого света и силы, осталась верна духовным идеалам. Одна только Индия продолжает упорно стоять на своем, не в пример Турции, Китаю и Японии, которые, по мнению Запада, переросли эти глупости, иными словами, пошли по пути рационализма и материализма. Одна только Индия, как страна в целом, все еще отказывается расстаться со своим Божеством и преклонить колени перед могучими, ныне властвующими идолами рационализма, коммерции и экономики – преуспевающими железными богами Запада. Они оказали свое воздействие и на Индию, но не покорили ее. Скорее поверхностным умом, нежели более глубоким разумом, она была вынуждена принять многие западные идеи – свободу, равенство, демократию и прочее – и примирить их со своей Ведантической Истиной; но с их западной формой она так и не освоилась и все еще ищет способа придать этим идеям свой индийский характер, который иначе как духовным быть не может. Уже прошло время подражания англий-

ским идеям и культуре, но ему на смену пришло новое, еще более опасное время копирования континентальной европейской культуры в целом и в особенности грубого и жестокого характера революционной России. С другой стороны, наблюдается возрождение индуизма, поднимается громадная волна духовного пробуждения. Двойственная эта ситуация может разрешиться только однозначным образом. Либо Индия подвергнется рационализации и индустриализации и перестанет быть Индией, либо она станет лидером новой фазы развития человечества, своим примером и распространением идей поможет новым положительным тенденциям Запада и одухотворит весь мир. Это и есть самый важный и острый вопрос. Воспримет ли Европа духовные устремления Индии, создав на их основе новые, приемлемые для Запада формы, или же европейский рационализм и коммерциализм навсегда положит конец индийскому типу культуры?

В этом случае вопрос заключается не в том, является ли Индия цивилизованной страной, а в том – что будет лидировать в человеческой культуре и определять пути ее развития: высокие духовные идеалы или же староевропейский интеллектуализм и новоевропейский материализм? Будет ли гармония духа, разума и тела опираться на грубые законы нашей физической природы, облагороженной разумом или в лучшем случае слабыми духовными отблесками, или же сила духа возьмет верх, подчинив себе интеллект и тело и заставив их стремиться к высшей гармонии, к победоносно-

му, вечно совершенному равновесию? Индия должна защищать себя путем преобразования своих культурных форм, чтобы придать им большую силу и совершенство выражения ее древних идеалов. Наступление Индии должно победоносно распространяться расширяющимися кругами света по всему миру, который в далекие времена этим светом обладал или, по крайней мере, озарялся его отблесками. Надо смириться с конфликтностью ситуации, пока будет продолжаться наступление друг на друга противостоящих культур. Но поскольку по сути это будет поддержкой всему лучшему, что порождается передовой западной мыслью, то это приведет к начальному этапу объединения на более высоком уровне и подготовке к единству.

2

Вопрос о цивилизованности Индии, если рассматривать его в таком, более масштабном, контексте, утрачивает узкий смысл, перерастая в глобальную проблему. Действительно ли грядущая культура человечества будет целиком основываться на разуме и науке? Является ли всемирный прогресс плодом последовательного труда коллективного разума, разума, состоящего из постоянно меняющейся совокупности смертных умов, вышедшего из тьмы бессознательной материальной вселенной и блуждающего среди трудностей и проблем бытия в поисках ясного света и надежной опоры? И состоит ли процесс цивилизации в попытке человека найти эти свет и опору в рационализированном знании и рационализированном образе жизни? В таком случае подлинной наукой может считаться лишь упорядоченное познание явлений, сил, возможностей физической Природы и психологии человека, как ментального и физического существа, а подлинным искусством бытия – лишь упорядоченное использование этого знания в целях роста продуктивности и благополучия социальной жизни, которые сделают краткое существование человека более плодотворным, более приемлемым, более комфортным, более счастливым, более упорядоченным и откроют больше возможностей для радостей ума, жизни и тела. Вся наша философия, вся наша религия – ес-

ли религия к тому времени не устареет и не будет отвергнута – вся наша наука, мысль, искусство, все наши общественные структуры, органы власти и иные институты – должны будут опираться на такую идею бытия, служа только ее целям и устремлениям. Это и есть формула, которую приняла европейская цивилизация и которую она все еще пытается тем или иным образом претворить в жизнь. Это формула разумно механизированной цивилизации, поддерживающей рационалистическую и утилитарную культуру.

Или все же истина нашего бытия – это истина Души, воплощенной в Природе, стремящейся познать себя, найти себя, расширить свое сознание, чтобы возвыситься до более великого бытия, чтобы прогрессировать в духе и восходить к всеобъемлющему свету самопознания, к некоему божественному самосовершенству? И, быть может, религия, философия, наука, мысль, искусство, общество, сама жизнь, наконец, – есть лишь средства для этого роста, инструменты духа, предназначенные для служения ему, – и именно это восхождение должно быть смыслом их бытия или, по меньшей мере, их главной целью? Такой взгляд на жизнь еще вчера отстаивала Индия, утверждая, что она обладает знанием, дающим ей право на такой взгляд; она продолжает и ныне отстаивать его со всей настойчивостью и силой, доступными ей. Это формула одухотворенной цивилизации, устремленной к высшей культуре, культуре души, через самосовершенствование, но также и через выход за пределы разума,

жизни и плоти.

В таком случае на передний план выходит следующая проблема: связаны ли надежды человечества с рациональной и разумно механизированной цивилизацией или же с духовной, интуитивной, религиозной цивилизацией и культурой? Когда критик-рационалист отказывает Индии в цивилизованности, когда он объявляет Упанишады, Веданту, буддизм, индуизм, искусство и поэзию древней Индии порождением отсталости и варварства, бесполезной игрой упорствующего в невежестве ума, то на самом деле он просто утверждает, будто цивилизация синонимична и идентична культу и практике материалистического разума, а все, что находится ниже или выше этого стандарта, не заслуживает права именоваться цивилизацией. Чересчур метафизическая философия, чересчур религиозная религия – если не вся философия и не вся религия вообще, – любая чересчур идеалистическая мысль и любая мистическая мысль или область творчества, всякое оккультное знание, любой поиск, превосходящий пределы умственной сферы, которая ограничена исследованием физической вселенной, – воспринимаются как нечто эксцентричное, заумное, причудливое и иррациональное; все, что отзывается ощущению Бесконечного, что увлечено мечтой о Вечном, любое общество, основывающееся на таких идеалах, а не только на здравой рассудительности и погоне за материальным достатком и его плодами, – все это не продукты цивилизации, но порождение искусно

замаскированного невежества и варварства. Однако этот тезис явно не выдерживает критики, поскольку при таком подходе б**о**льшая часть великого прошлого человечества должна быть осуждена как порождение варварства. Осуждения не избежит даже культура древней Греции; а в конечном итоге окажется, что даже мысль и искусство самой современной европейской цивилизации во многом подпадают под эту оценку и должны быть преданы анафеме как, по меньшей мере, несущие на себе печать варварства. Дабы избежать преувеличений и абсурда, мы не имеем права так ограничивать мир и обеднять значение прежних свершений человечества. Древняя индийская цивилизация была порождением великой культуры и должна быть признана в качестве таковой совершенно так же, как греко-римская, христианская, мусульманская или европейская цивилизация эпохи позднего Ренессанса.

Тем не менее, самый главный вопрос остается открытым – наш диспут лишь высветил его подлинную сущность. Более умеренный и проницательный критик-рационалист признал бы ценность прошлых свершений Индии. Он не заклеймил бы как порождение варварства буддизм и веданту, общеиндийское искусство и философию, ее социальные концепции, но заявил бы при этом, что они отжили свое и больше не нужны миру. Залогом будущего являются европейский модернизм, мощь науки и нынешний великий прогресс человечества, основанный не на умозрительных построениях и

игре воображения, но на выверенных и реальных научных истинах, на трудолюбиво преумножаемых богатствах надежной и выдержавшей испытания научной организации. Индия же, верная своим идеалам, напротив, утверждала бы, что и разум, и наука, и все, что из них вытекает, есть лишь плод человеческих усилий, но истина превосходит их пределы. Тайну нашего окончательного совершенства следует искать в сокровенных глубинах нашего существа, в сути вещей и самой Природы; истина кроется в духовном самопознании и самосовершенствовании и в созидании жизни на основе этого самопознания.

Поставив вопрос в таком ключе, мы сразу же заметим, что разрыв между Востоком и Западом, Индией и Европой уже не кажется столь глубоким и непреодолимым, как тридцать-сорок лет назад. Глубинное различие сохраняется, жизнь Запада по-прежнему преимущественно подчинена рационалистической идее и материалистическим заботам. Однако на вершинах мысли уже происходят перемены огромной важности, и они – через искусство, поэзию и музыку, через литературу – постепенно распространяются вниз, к подножию. Постижение более глубоких реалий, обращение к забытым поискам, стремление к еще не испытанному опыту высшего порядка, приятие идей, долго остававшихся чуждыми менталитету Запада, – все это наблюдается повсеместно. Способствуя этому процессу– и в свою очередь усиливаясь за счет него– происходит широкое распространениеин-

дийской и вообще восточной мысли; повсюду можно встретить свидетельства того, что человечество начинает осознавать подлинную ценность и величие древнего духовного идеала и его превосходство над современным материалистическим мировоззрением. Проникновение этих идей в Европу началось вскоре после соприкосновения ее с Востоком, и здесь важную роль сыграла оккупация Индии Британией. На первых порах это было незначительное, поверхностное воздействие, не более чем интеллектуальное, затронувшее лишь немногие просвещенные умы. Академический интерес и увлечение ученых и мыслителей ведантой,[14] санкхьей,[15]

---

[14] *Веданта* — одна из систем классической индийской философии, постулирующая наличие Брахмана (или Абсолюта) как Высшей реальности и Атмана (души человека) как ее индивидуального аспекта. Материя и ум понимаются не как независимые сущности, а как коренящиеся в Брахмане. Считается, что оформление веданты относится примерно ко II в. до н. э. – II в. н. э., когда были записаны ее сутры («Веданта-сутры», или «Брахма-сутры»), приписываемые Бадараяне (или Вьясе). Веданта теснейшим образом связана с индуизмом, выступая как его философский партнер. (Примерно так же томизм является философским партнером католицизма). Допустимо утверждать, что веданта есть «философское сердце» индуизма и наиболее признанное его теоретическое обоснование.

[15] *Санкхья* — одна из систем классической индийской философии. Зародилась в VII–III вв. до н. э. Санкхья в том ее варианте, который утвердился в раннем средневековье, постулирует наличие двух независимых реальностей: Пуруши (чистого сознания) и Пракрити (материи). Пуруша находится вне мира объектов, он не затрагивается их действиями и не вовлекается в проявления материального мира. Пракрити не обладает интеллектуальной силой, но наделена неисчерпаемой энергией и способностью к модификациям. Человек как Пуруша, носитель вечного, нематериального начала, соотносит себя со своим телом, т. е. с невечной, материальной сущностью. Задача его в том и состоит, чтобы преодо-

буддизмом, восхищение тонкостью и богатством индийского философского идеализма, влияние Упанишад и Гиты[16] на такие великие умы, как Шопенгауэр или Эмерсон, как и на ряд менее значительных мыслителей – это были лишь первые ручейки, которым вскоре предстояло превратиться в бурный поток. Нельзя говорить о том, что это влияние распространилось широко; даже тот незначительный положительный эффект, который вызвало это взаимодействие культур, оказался нивелирован, а кое в чем и вовсе сведен на нет, могучим приливом научного материализма, затопившего интеллект Европы к концу девятнадцатого века.

Однако ныне возникли иные движения, которые победоносно утверждают себя в мысли и жизни современного западного общества. Философская мысль стремительно покинула позиции рационалистического материализма с его абсолютными, конечными истинами-догматами. С одной стороны, поиск более широкого видения и осмысления вселен-

---

леть это ложное смешение «Я» и «не-Я», ошибочное отождествление вечного, бездеятельного, сознательного Пуруши с проявлениями активного материального мира, лишенного сознания, т. е. Пракрити.

[16] Гита, Бхагавадгита («Божественная песнь», «Песнь Господа») – одно из наиболее авторитетных произведений индуистской литературы. Обычно датируется примерно II в. до н. э. – II в. н. э. Сюжетную линию поэмы составляет диалог Бога Шри Кришны с воителем Арджуной, чей разум «смутился» перед началом битвы, в которой должны принимать участие близкие родственники, волей судьбы оказавшиеся непримиримыми противниками. Разъяснения Шри Кришны истинной природы человека и мира, путей постижения Бога и пр. и составляют философское содержание поэмы.

ной привел к тому, что во многих умах неприметно, но прочно, хотя подчас и в причудливых обличьях, укоренился индийский монизм. С другой стороны, появились новые философские направления – не то, чтобы действительно духовные, скорее виталистические и прагматические, но в силу большей своей субъективности более близкие индийскому мировоззрению. Начали рушиться прежние границы научного поиска, возрос интерес к различным формам исследования психики и новым открытиям в области физиологии, даже к психизму и оккультизму; и этот интерес продолжал расти даже вопреки анафеме, провозглашенной ортодоксальной религией и ортодоксальной наукой. Влияние теософии с ее широким сопряжением древних и современных воззрений, с ее тяготением к древнему духовному и интуитивному знанию, ощущалось повсеместно, далеко превосходя круг признанных ее сторонников. Несмотря на злословие и насмешки в адрес теософского движения, оно сыграло важную роль в распространении идей кармы, переселения душ, возможности существования на иных планах бытия, эволюции воплощенной в тело души к духу через интеллект и интуицию – то есть идей, которые в случае приятия их человеком должны полностью изменить его отношение к жизни. Сама Наука постоянно приходит к выводам, лишь подтверждающим в плоскости физического мировоззрения и на присущем физическому миру языке те истины, которые древняя Индия уже утвердила с позиций духовного знания и

на языке Вед[17] и веданты. Каждый новый шаг науки ведет – непосредственно или косвенно – к сближению подходов Востока и Запада и тем самым способствует лучшему пониманию мысли и идеалов Индии.

В некоторых аспектах мировоззрения произошли разительные перемены, и похоже, что этот процесс продолжает развиваться. Сэр Джон Вудрофф цитирует христианского миссионера, «пораженного тем, до какой степени индусский пантеизм начал проникать в религиозные концепции Германии, Америки и даже Англии» и считающего, что его суммарное влияние на общественное сознание представляет неотвратимую угрозу для следующего поколения. Другой цитируемый им автор заходит так далеко, что увязывает все главнейшие идеи европейской философии с древними концепциями брахманов и утверждает, что Восток предвосхитил все современные решения вечных философских проблем. Известный французский психолог недавно говорил приезжему индийцу, что Индия давно наметила главные линии, установила основные положения и общую концепцию настоящей психологии, так что Европе теперь остается толь-

---

[17] Веды – индуистский канон. Четыре веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) обычно датируются XII–X вв. до н. э., хотя многие гимны, особенно в Ригведе, отражают более ранние периоды индийской истории. Традиция расценивает авторитет вед как неоспоримый; они существуют, согласно традиции, вечно. Мудрецы не считаются авторами вед: они мгновенным озарением, внутренним взором постигли приоткрывшуюся им истину и только придали словесную форму тем видениям, что были недоступны другим людям.

ко добавлять уточненные детали и подтверждать научными методами уже открытые истины. Высказывания такого рода лучше всего указывают направление и характер продолжающихся перемен.

Перемены дают о себе знать не только в области философии и высокой мысли. Европейское искусство в некоторых своих направлениях ушло достаточно далеко от своих прежних постулатов; в нем развивается новое видение, оно по-своему открывает темы, почитавшиеся прежде только на Востоке. Восточное искусство, в том числе прикладное, получило широкое признание на Западе и оказывает заметное, пусть и косвенное, влияние на западную культуру. Поэзия начинает робко искать новый язык самовыражения – заметим, что всемирная слава Тагора[18] была бы немыслима лет тридцать назад – теперь же часто видишь стихи даже не очень значительных поэтов, полные мысли и выразительности, которые раньше могли встретиться только у индусских, буддистских или суфийских поэтов.[19] Уже можно говорить

---

[18] *Тагор Рабиндранат* (1861–1941) – выдающийся индийский поэт, писатель и общественный деятель. Автор широко известных романов, пьес, сборников стихов. Его творчество проникнуто гуманистическими идеями, жизнеутверждающей верой в духовное величие и созидательные способности человека. Лауреат Нобелевской премии 1913 г. за сборник стихов «Гитанджали» («Жертвенные песни»).

[19] *Суфийские поэты* – последователи мистического направления в исламе, возникшего в VIII–IX вв. и распространившегося на все страны Арабского халифата. В творчестве поэтов-суфиев доминирует мистицизм. Все сущности и явления окружающего мира понимаются как эманация Бога. Единение с ним, согласно

о подобных явлениях в литературе в целом. Все больше и больше искателей истины рассматривают Индию как свою духовную родину или считают, что обязаны ей многими своими прозрениями – или уж по меньшей мере воздают должное ее свету и испытывают на себе ее влияние. Если эта тенденция будет усиливаться – а движение вспять маловероятно, – то между Востоком и Западом, разделенными ныне глубокой духовной и интеллектуальной пропастью, будет по меньшей мере переброшен надежный мост, в результате чего культура и идеалы Индии упрочат свои позиции в мире.

Но в таком случае, если существует хотя бы относительное взаимопонимание, позволительно спросить: зачем «агрессивно» защищать индийскую культуру, зачем вообще защищать ее, если мы видим, что сегодня противоположные подходы двух культур сближаются? И в самом деле, есть ли надобность стараться и в будущем сохранить уникальность индийской цивилизации? Двигаясь навстречу друг другу, Восток и Запад однажды встретятся, и в жизни объединенного человечества будет заложена основа общей всемирной культуры. Все прежние и существующие формы, системы, вариации сольются и найдут свое выражение в этой новой амальгаме. Однако на деле эта проблема не имеет столь легких решений, она не столь гармонически проста. Ведь даже если предположить, что объединенная всемирная культу-

---

суфиям, возможно в результате особого экстатического состояния, предполагающего полную погруженность в Бога, слияние с ним.

ра не будет испытывать духовной потребности и жизненной необходимости в сильном и ярком многообразии, все равно мы еще очень и очень далеки от такого единения. Стремление к самопознанию и духовности, которое демонстрирует современная передовая мысль, затронуло лишь немногих и лишь весьма поверхностно окрасило собой европейский образ мышления в целом. Более того, речь идет всего только о направлении мыслей, а великие жизненные мотивации Европы остаются непоколебленными. Усиление позиций идеализма выразилось в возникновении новых межличностных отношений, но оно пока еще не избавило общество от бремени материалистического прошлого и даже не облегчило это бремя. Все человечество, включая и Индию, переживает ныне критический момент своего развития, направляясь под давлением обстоятельств к напряженному и мучительному периоду стремительных преобразований. Опасность состоит в том, что власть доминирующих европейских идей и мотиваций, соблазны сиюминутных политических нужд, стремительность неотвратимых перемен могут не оставить нам времени для вызревания здравых мыслей и духовного осмысления ситуации; древняя культурная и социальная система Индии может не вынести перегрузок, древняя цивилизация может рухнуть прежде, чем Индия успеет сформировать новую ментальную позицию и взгляд на мир или же отвергнуть, переплавить, видоизменить те формы бытия, которые не отвечают более ее национальным потребностям, создать

новые характерные силы и фигуры, найти прочную основу для быстрой эволюции в соответствии с собственным духом и идеалами. В этом случае из хаоса может появиться рационализированная, «вестернизированная» Индия – темнокожее подобие Европы, – сохраняющая лишь отдельные элементы своего прошлого, чтобы модифицировать их, но уже не для того, чтобы основывать на них всю свою жизнь. При этом такая новая Индия, как и все прочие страны, приняла бы модель западного модернизма, и древняя Индия прекратила бы существование.

Кое-кто не увидел бы в этом никакой беды, скорее отнесся бы к такому повороту событий как к счастливому стечению обстоятельств. Эти люди расценили бы отказ Индии от своей духовной обособленности и уникальности и проведение в ней давно требовавшихся интеллектуальных и нравственных реформ как признак того, что страна наконец готова присоединиться к сообществу современных народов. А поскольку новое мировое сообщество будет обладать все возрастающим духовным и мировоззренческим потенциалом и культура сообщества, возможно, впитает в себя многое из индийской религиозной и философской мысли, то исчезновение ее древнего духа и личностного самовыражения не обязательно будет безвозвратной потерей. Древняя Индия разделит судьбу древней Греции, оставив свой след в новой и куда более прогрессивной жизни человечества. Но растворение греко-римской культуры в более позднем европейском

мире – хотя многие элементы прошлого продолжают жить и сейчас в этой более масштабной и усложненной цивилизации – сопровождалось утратой многих из ее выдающихся ценностей. Был утрачен высокий и ясный интеллектуальный порядок греческой культуры, утрачен, что еще более пагубно, присущий ей древний культ красоты, и даже сейчас, через столько веков, человечеству так и не удалось восстановить по-настоящему ее утраченный дух. В результате исчезновения самобытной индийской цивилизации сокровищница мира оскудеет в значительно большей степени, ибо различие между ее идеалом и идеалом европейского модернизма еще глубже, ибо дух Индии воистину уникален, а грандиозное наследие ее древней мудрости – тысячи прекрасных строк, выражающих великий внутренний опыт – заключает в себе столь многоплановую истину и столь динамичный порядок, что только Индия в силах сберечь его.

Обычная тенденция западного ума состоит в том, чтобы жить снизу вверх и снаружи внутрь. При этом он прочно опирается на витальную и материальную природу, к высшим же силам обращается разве что за помощью в модификации и отчасти возвышении природной земной жизни. Внутренний мир формируется и направляется внешними силами. Напротив, постоянной целью Индии было отыскание основы жизни в высшей духовной истине, чтобы жить изнутри, из духа наружу, чтобы выйти за пределы нынешнего существования разума, жизни и тела, чтобы изнутри управлять внеш-

ней Природой. Как говорили ведические мудрецы, «Их божественная основа была свыше, даже когда они пребывали внизу, дабы лучи ее воссияли глубоко внутри нас» – *ничинах стхур упари будхна ешам, асме антар нихитах кетавах сийух*.[20] Это различие – не второстепенный нюанс, оно имеет огромное и глубокое значение. Мы можем судить, как Европа воспринимает те или иные духовные веяния, по ее отношению к христианству и его внутреннему закону, который она в действительности так никогда и не приняла в качестве закона своей жизни. Закон был признан, но только в качестве идеала и средства эмоционального воздействия, для обуздания и придания некоей духовной окраски витальной мощи тевтонов и интеллектуальной ясности и чувственной утонченности латинян. Любое новое развитие духовности, которое могла бы воспринять Европа, будет встречено в том же ключе и использовано в таких же ограниченных и поверхностных целях – если бы в мире не было живой последовательной культуры, бросающей вызов этому обескровленному идеалу и требующей подлинной жизни духа.

Очень может быть, что для полноты развития человечества необходимы обе тенденции, ментальная и витальная, физический натиск Европы и духовный и интуитивный импульс Индии. Но если духовный идеал ведет в конечном счете к победоносной гармонии проявленной жизни, то чрезвычайно важно, чтобы Индия не утеряла свою истину-опору,

---

[20] Цитируется Ригведа. I. 24. 7.

не рассталась с наивысшим своим знанием и не променяла его на другой идеал, возможно, более доступный, но несомненно не столь высокий и безусловно чуждый ее подлинной непреходящей природе. Для человечества также важно, чтобы великое коллективное устремление к реализации этого высочайшего идеала, пусть несовершенное, пусть проходящее ныне через период упадка и хаоса, не исчезло бы, но продолжало развиваться. В любом случае, это устремление всегда может проявиться с новой силой и в более широких масштабах, ибо дух не скован преходящими формами, он вечно нов, бессмертен и бесконечен. Обновление древней индийской *свадхармы*, а не перестройка ее по тому или иному принципу западной природы – вот наш лучший способ служения человечеству и наиболее ценный вклад в его прогресс.

Отсюда возникает необходимость в защите, и в очень сильной, даже агрессивной, защите индийской культуры, так как в условиях современной борьбы эффективной может быть только наступательная защита. Однако именно здесь мы сталкиваемся с противоположным направлением мысли, направлением откровенно обструктивистским. Очень многие индийцы упрямо отдают предпочтение пассивной защите, а «наступательность», как они ее понимают, носит характер довольно вульгарного бездумного культурного шовинизма типа: все, что у нас есть, – хорошо для нас, потому что оно индийское; или даже так: все индийское есть наилучшее,

ибо это творение риши. Будто основатели нашей культуры, – чьи мысли, будучи сильно искажены и неверно восприняты, зачастую используются не должным образом, – несут ответственность за позднейшее нелепое, хаотическое ее развитие. Однако вопрос в том, эффективна ли вообще пассивная защита? Я считаю, что нет, поскольку она не соответствует природе вещей в мироздании и потому обречена на провал. Она сводится к тому, чтобы упрямо сидеть сложа руки, в то время как мировая Шакти движется своим путем – и не только мировая Шакти, но и Шакти Индии тоже. Фактически такая защита представляет собой настойчивые усилия жить исключительно за счет своего прошлого культурного капитала, точнее, за счет тех его скудных остатков, которые мы смогли сберечь в своих расточительных и неумелых руках, и следуя такому подходу, мы рано или поздно проживемся до последнего гроша. Ведь если тратить прежние накопления, не пытаясь их приумножить, то в конечном счете мы придем к банкротству и нищете. Прошлое следует использовать и расходовать разумно, чтобы ускорить оборачиваемость нашего капитала, получить высокую прибыль, сделать приобретения, способствующие будущему развитию; но для того, чтобы капитал приносил прибыль, его надо выпустить из рук, и мы должны с чем-то расстаться, чтобы взамен получить больше и жить богаче – это универсальный закон бытия. Иначе мы окажемся в стороне от свежего потока жизни и будем прозябать в трясине застоя и деградации. Иными

словами, отказываясь открыто признать необходимость нового развития и перемен, мы, пусть неявно, признаем собственное бессилие – то есть признаем, что Индия исчерпала свой созидательный потенциал в лице Шанкары,[21] Рамануджи,[22] Мадхвы[23] и Чайтаньи[24] в сфере религии и философии

---

[21] *Шанкара* – крупнейший философ-ведантист, с именем которого связывается разработка «адвайта-веданты», одного из трех главных направлений веданты («вишишта-адвайта» и «двайта» – два другие направления). Обычно годами его жизни называют 788–820 г. «Адвайта» переводится как «чистый монизм»: кроме Абсолюта, Брахмана, единого безличного основания всего сущего, ничего более не существует. Одно Единое пронизывает, обнимает собой все сущее. Но такое видение мира доступно только знающему, озаренному, который смотрит на явленное и видит во всем одну только кажимость.

[22] *Рамануджа* – известный ведантист; с его именем связывается разработка «вишишта-адвайты». Принято считать, что он жил в XI в. Обычно название учения переводят как «ограниченная адвайта» или «адвайта с ограничениями». Рамануджа исходит из того, что души и материя образуют своего рода «тело» Брахмана, мыслимого как Ишвара, Личностный Бог. Он есть управитель мира, сотворенного им из самого себя. Пантеистическое учение Рамануджи является теоретическим обоснованием бхакти-марги, т. е. пути соединения с Богом, в основе которого лежит установка на любовь, преданность и почитание Бога.

[23] *Мадхва* (XIII–XIV в.) – главный представитель «двайта-веданты», т. е. «дуалистической веданты». Мадхва не приемлет адвайтистское понимание Брахмана как единственной реальности. В его учении мир извечно «порожден» Богом и зависим от него; индивидуальные души тоже подвластны Богу и называются его «отражениями».

[24] *Чайтанья* (1486–1534) – бенгальский проповедник, основатель одной из вишнуитских сект. Соединил идеи бхакти и вишнуитского культа Кришны. Подчеркивал примат бхакти-марги как пути «спасения». Называл себя воплощением бога Вишну.

и в лице Рагхунандана и Видьяраньи[25] в социальной сфере. Это значит, что наше искусство и поэзию ожидает бесславный конец – либо выхолощенная, лишенная подлинного созидательного ядра пустота, либо бессмысленное воспроизводство красивых, но безжизненных форм и мотивов. Это значит, что нам останется бороться за сохранение полуразвалившихся социальных структур, которые будут разваливаться и дальше, сколько бы мы ни старались уберечь их, рискуя оказаться погребенными под их обломками.

Возражения против масштабных перемен – а мы нуждаемся в масштабных и смелых преобразованиях: незначительные перестановки нас не спасут – могут иметь силу лишь в том случае, если они исходят из посыла, что в формах культуры выражается ритм ее духа и что, нарушая этот ритм, мы рискуем упустить сам ее дух и навеки погубить ее гармонию. Да, но хотя Дух вечен по своей сути и фундаментальные принципы его гармонии неизменны, ритм его самовыражения в формах постоянно меняется. Неизменно само бытие Духа и мощь его бытия, но его проявления в жизни, да и сама природа Духа в проявленном виде подвержены самым многообразным изменениям. И нам нужно следить за тем, является ли этот ритм гармоничным в данный момент, или же неслаженный и неумелый оркестр давно сбился с ритма

[25] *Рагхунандан* – средневековый бенгальский философ. Его имя упоминается среди авторов трактатов, посвященных нормам праведного поведения верующего. *Видьяранья* — средневековый философ из Южной Индии, последователь Шанкары.

и перестал выражать древний дух. Признание несовершенства формы не есть отрицание скрытого в ней духа; скорее, это условие для продвижения вперед к более широким перспективам, к более совершенному и адекватному воплощению заключенной в нас Истины. Сумеем ли мы на самом деле найти выразительные средства более масштабные, чем те, что нам достались от прошлого, зависит от нас самих, от нашей восприимчивости по отношению к вечной Силе и Мудрости, к сиянию Шакти внутри нас, от нашего творческого дара, дара, рожденного из единения с вечным Духом, который мы пытаемся выразить в меру нашей приобщенности к свету – *йогах кармасу каушалам*.[26]

Такова позиция индийской культуры, которая всегда должна интересовать нас в первую очередь, позиция, выражающая глубочайшую истину нашего существа. Однако есть и другой фактор – воздействие духа Времени. В нем тоже проявляется действие вселенской Шакти, которое невозможно игнорировать, остановить или отменить. Здесь политика нового творчества также утверждает себя в качестве истинного и единственно целесообразного способа действия. Даже если бы мы предпочли отгородиться от необходимости преобразований высокими, прочными стенами и отсидеться, сложа руки, в своем уютном, ограниченном мирке, все равно сегодня сделать это уже невозможно. Мы больше не можем – если бы даже и захотели – жить в стороне от мирового про-

---

[26] Цитируется Бхагавадгита: «Йога есть искусство в действиях». (II. 50).

гресса, словно на одиноком острове посреди океана, не покидая свой остров и не давая никому высадиться на нем. Хорошо это или плохо, но мы сегодня – неотъемлемая часть мира, на нас изливается поток современных идей и веяний, и этот поток невозможно остановить. Есть два способа справиться с новыми веяниями: либо упрямо и безнадежно противиться им, либо постараться понять и принять их и использовать себе на благо. Сколько бы мы ни сопротивлялись – активно или пассивно – наступлению новой эпохи, она все равно нагрянет в наш лагерь, прорвет наши оборонительные рубежи в слабых местах, обойдет их там, где они неприступны, а то и прокрадется неузнанной и незамеченной через тайные подкопы. Будучи непрошенными гостями, новые идеи окажутся для нас губительными; древняя цивилизация Индии падет лишь отчасти в результате лобовой атаки – она взорвется изнутри. Здесь и там уже вспыхивают зловещие искры, которые никто не умеет загасить, но если бы мы и умели гасить их, от этого было бы мало толку, потому что нам пришлось бы справляться и с самим костром, из которого они рождаются. Даже самые рьяные поборники настоящего во имя прошлого лишь подтверждают каждым своим словом, сколь сильно влияние на них нового образа мышления. Многие, если не большинство, пылко призывают, неизбежно призывают к новациям в определенных областях, к переменам, европейским по духу и методам, которые, не будучи правильно ассимилированы и преображены духом Индии, приведут к полному разруше-

нию всей социальной структуры, в защиту которой выступают эти люди. Все это – результат беспорядочного мышления и некомпетентных действий. Поскольку наша мысль и творческий дар бессильны в определенных областях, мы вынуждены заимствовать чуждые нам достижения, не утруждая себя их осмыслением и ассимиляцией либо пытаясь ассимилировать их с позиций чисто внешних и иллюзорных. Поскольку мы не можем полностью осмыслить свои действия в свете высшего внутреннего видения, то слепо пытаемся совместить совершенно разнородные, чуждые друг другу элементы, не позаботившись о том, чтобы привести их в надлежащую гармонию. Наши усилия рано или поздно должны, вероятно, привести к воспламенению этих дисгармоничных элементов, которое закончится мгновенным и сокрушительным взрывом.

Наступательная защита предполагает новое вдохновленное внутренним видением творчество, которое потребует совершенствования ныне существующих форм, но одновременно и эффективной ассимиляции всего, что может иметь ценность для нашей новой жизни и что гармонично сочетается с нашим духом. Битва, столкновение, борьба – сами по себе не являются деструктивными: в их яростном обличье Время вершит свои великие преобразования. Даже самый удачливый из победителей многое заимствует у побежденных и нередко становится при этом пленником своих заимствований. Наступление Запада не сводится к разрушению

форм восточной культуры – наряду с этим происходит грандиозное, хотя и неприметное и бесшумное, заимствование западной культурой ценностей Востока и ее обогащение этими ценностями. Так что, даже возрождая свое былое величие и щедро осыпая Европу и Америку своими сокровищами, мы не сможем избежать краха. Эта щедрость обогатит и укрепит наших культурных оппонентов, нам же она принесет лишь самоуверенность, бесполезную и даже вредную, если ее не претворить в сильную творческую волю. Нам нужно другое – противопоставить этому нашествию свежие и более могущественные силы, которые позволят нам не только остановить противника, но и перевести боевые действия – там где это возможно и целесообразно для нации – на территорию захватчика. В то же время от нас требуется мощная творческая ассимиляция всего, что отвечает нашим потребностям и созвучно духу Индии. В некоторых областях – увы, весьма немногих – мы уже начали действовать в обоих этих направлениях. В других – мы лишь создали сумятицу или же принялись без разбору и без особого смысла перенимать все что ни попадя.

Подражание, грубое и бессистемное заимствование механизмов и методов противника может до определенного момента быть небесполезным, однако, в принципе, это лишь одна из форм капитуляции перед ним. Простого заимствования недостаточно, мы должны разумно ассимилировать заимствованное в соответствии с нашим национальным духом.

Проблема грандиозна по своим масштабам и не терпит дальнейших отлагательств, а мы пока еще даже и не пытались разрешить ее с должными мудростью и прозорливостью. Сегодня нам прежде всего необходимо правильно оценить ситуацию и действовать продуманно и ответственно, руководствуясь нашим самобытным мышлением, опираясь на собственную вековую мудрость, демонстрируя прозорливость и уверенность в окончательном результате. Открытость новым веяниям и идеям, трезвое их осмысление и использование в интересах собственного развития и процветания всегда были отличительной чертой многовекового гения Индии.

3

Существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой проблема, грубо и вызывающе сформулированная как конфликт культур, является, по сути, проблемой глубочайшего значения, вызовом всей человеческой мысли и затрагивает не только нашу, но и все ныне существующие цивилизации.

Рассматривая проблему нашей культуры с точки зрения ее прошлого и вклада, внесенного ею в развитие человечества, в сравнении с вкладом других культур, мы можем сказать, что индийская цивилизация была формой и выражением культуры столь же великой, сколь и культура других цивилизаций, известных истории: в ее рамках существовали великая религия, великая философия, великая наука, великая и многосторонняя мысль, великие литература, искусство и поэзия, великая организация общества и политики, великие ремесла, торговля и коммерция. В ней были свои негативные стороны, свои несовершенства и недостатки – но какая цивилизация совершенна, свободна от негативных аспектов? В нашей цивилизации были свои значительные пробелы, свои тупики, сферы, не облагороженные (или недостаточно облагороженные) культурой – но бывают ли цивилизации безупречные, лишенные недостатков? Тем не менее, наша древняя цивилизация способна выдержать самое

придирчивое сравнение с прочими цивилизациями древности или средневековья. Она поставила более высокие цели, оказалась тоньше, многостороннее, любознательнее и глубже, нежели цивилизация Греции, благороднее и человечнее, нежели римская, масштабнее и духовнее, нежели древнеегипетская, значительнее и оригинальнее любой другой цивилизации Азии, интеллектуальнее европейской до XVIII века; индийская цивилизация обладала всеми качествами других и еще рядом дополнительных; из всех культур прошлого она была наиболее сильной, самодостаточной, плодоносной и обширной по масштабу влияния.

Если взглянуть с точки зрения настоящего и плодотворной деятельности прогрессивного Духа-Времени, то можно сказать, что даже сейчас, несмотря на переживаемый нами упадок, далеко не все у нас в дебете. Многие формы нашей цивилизации изжили себя и выродились, другие нуждаются в радикальных изменениях и обновлении. Однако это можно вполне отнести и к европейской культуре: при всей ее не так уж и давно обретенной прогрессивности и навыке к более быстрой приспосабливаемости в ней есть многое, что уже отжило и отслужило свое. Несмотря на все недостатки, несмотря на упадок, дух индийской культуры, ее основные, лучшие идеи, по-прежнему важны для всего человечества, а не для одной только Индии. Мы, индийцы, утверждаем, что эти идеи в сочетании с новыми потребностями и новыми идеями способны предложить не худшие, а гораздо лучшие

решения для наших насущных проблем, чем те вторичные решения, которые поступают к нам из западных источников. Но помимо сравнений, относящихся к прошлому, и соображений настоящего, возможен и иной подход: с точки зрения идеального будущего. Существуют и отдаленные цели, к которым движется человечество, и по отношению к ним настоящее есть лишь грубый эскиз, а обозримое будущее – предмет наших чаяний и творческих устремлений – подготовительная стадия. Существует и не достигнутый уровень, который кажется нашему нынешнему мышлению несбыточной утопией, но который для более развитого человечества способен стать насущной реальностью, привычной сферой его повседневных интересов, подлежащей дальнейшему совершенствованию. Как соотносится индийская цивилизация с этим, пока не воплощенным будущим человечества? Основные идеи и мотивации Индии – освещают ли они путь, помогают ли продвижению к этому будущему или же замыкаются в самих себе без перспективы содействовать будущему эволюционному потенциалу земного шара?

Для некоторых иллюзорна сама мысль о прогрессе – они считают, что человечество вечно движется по кругу[27]. Более

---

[27] Индуистская традиция постулирует представление о циклическом развитии Универсума, не имеющего ни начала, ни конца. Чередование творений и разрушений образует безначальные и бесконечные ряды. «Золотой век» сменяется эпохами все меньшей и меньшей праведности, завершающимися в современной эпохе торжества зла и предстоящего разрушения мира. Затем весь цикл повторяется.

того, многим кажется, что величие человечества – в его прошлом, развитие же идет по нисходящей. Однако как раз это и есть иллюзия, и возникает она от того, что мы сосредоточиваемся на высочайших вершинах прошлого и не замечаем мрачных ущелий между ними или же, сосредоточившись на темных сторонах настоящего, отказываемся видеть в нем проявления света и добрые предзнаменования. Иллюзию порождают также неверные умозаключения, основанные на неравномерности прогресса. Ибо Природа осуществляет эволюцию через поступательное ритмичное чередование продвижения вперед и отступления вспять: день и ночь, сон и бодрствование, временное развитие определенных аспектов за счет других, не менее желательных для совершенства; поверхностный же наблюдатель может принять за регресс даже то, что на самом деле является прогрессом. Без сомнения, прогресс не движется с уверенностью по прямой, наподобие человека, шагающего по привычному пути, или армии, продвигающейся с хорошими картами по территории, где нет препятствий. Человеческий прогресс есть испытание неизведанным, приключение в неизведанном, полном сюрпризов и непонятных препятствий, человек часто спотыкается, не раз и не два сбивается с пути, уступает в одном, рассчитывая выиграть в другом, возвращается назад, чтобы отыскать более широкий путь вперед. Настоящее далеко не всегда выигрывает в сравнении с прошлым, хотя в целом оно и продвинулось вперед, пусть даже и уступает ему

в отдельных направлениях, важных для нашего внутреннего или внешнего благополучия. Но, в конце концов, и земля движется вперед, *eppur si muove*[28]. Даже в поражении идет подготовка к победе, наши ночи скрывают в себе тайну более великих рассветов. Нам все это известно по индивидуальному опыту, но и развитие человечества коллективно тоже происходит подобным образом. Вопрос лишь в том, куда мы идем и где истинные пути и пристани нашего странствия.

Западная цивилизация горда успехами модернизма. Однако в стремлении к новому она немало и утратила, а многого из того, к чему стремился в прошлом человек, и не пыталась достичь. Запад в своем нетерпеливом небрежении попросту отбросил многое из того, что обладало непреходящей ценностью – к великому ущербу для себя, – ограничив собственную жизнь и не дав свободно совершенствоваться своей культуре. Древние греки времен Перикла или философов, если бы перенеслись в сегодняшний день, были бы поражены невероятным развитием интеллекта, широтой кругозора, многосторонностью разума и его неутолимой любознательностью, способностью к широчайшим обобщениям и вниманием к мельчайшим деталям. Они безусловно восхитились бы фантастическим развитием науки и ее грандиозными открытиями, богатством и точностью ее инструментария, чу-

---

[28] *epur si muove* (ит.) – «все-таки она вертится». Согласно легенде, это были последние слова итальянского ученого Г. Галилея (1564–1642) после процесса, проведенного над ним римской инквизицией (1633).

десной силой ее изобретательного гения. Они были бы скорее поражены и потрясены, чем удивлены, напряженными и возбуждающими ритмами современной нам жизни. Однако в то же время у них возникло бы чувство отторжения и отвращения при виде откровенного уродства и вульгарности многих ее характерных проявлений, ее неудержимого внешнего утилитаризма, ее виталистской необузданности, болезненной чрезмерности и неразумности многих ее порождений. Греки обнаружили бы в нашей современной эпохе множество так или иначе замаскированных, но вполне явных признаков торжествующего варварства. Греки признали бы интеллектуальную мощь этой цивилизации, оценили бы ее старания использовать достижения мысли и научного разума для совершенствования механизма жизни, но им недоставало бы в ней их собственных позднейших стараний приложить силы идеального разума к упорядочению и развитию внутренней жизни человека. Они убедились бы в том, что в этой цивилизации красота превратилась в нечто экзотическое, а блестящий идеальный ум стал в одних проявлениях жизни униженным, эксплуатируемым рабом, в других – никчемным чужаком.

Что же касается великих духовных искателей прошлого, у них эта огромная работа интеллекта и жизнь чувства вызвали бы ощущение гнетущей пустоты. Ощущение иллюзорности и нереальности терзало бы их на каждом шагу по мере того, как они все отчетливее осознавали бы, что в нашем ми-

ре утратило важность то самое главное, в чем и состоит воистину величие человека и что возвышает его над собой. Прогресс в овладении законами физической Природы не компенсировал бы в их глазах сравнительного замедления – а в течение долгих периодов и почти полной остановки – прогресса в иной области поиска, области духовной свободы.

Однако непредубежденный взгляд предпочтет увидеть в нынешней цивилизации одну из эволюционных фаз, далекий от совершенства, но важный поворот в развитии человека. С этой точки зрения открываются великие достижения современности, имеющие чрезвычайное значение для конечного совершенства, даже при том, что оплачены они чрезвычайно дорогой ценой. Налицо не только масштабные обобщения научного знания, более полное использование мощи и деятельности интеллекта во многих областях; не только прогресс науки в покорении окружающей среды, развитие колоссального аппарата средств, обширного инструментария, бесчисленных мелких приспособлений, всесильных механизмов, неустанный поиск утилитарного применения силам Природы. Можно говорить и об определенном развитии могучих, хотя и не слишком возвышенных идей, и о попытках – поверхностных, а значит несовершенных – соединить их с функционированием общества в целом. Многое обесценилось или было утрачено вовсе, но все это может быть восстановлено, хотя и отнюдь не без труда. Воскресив свою внутреннюю жизнь, человек обнаружит, что стал бо-

гаче материально, стал пластичнее, приобрел новую глубину и широту, обнаружит, что мы все приобрели благотворный навык к доскональности во всех отношениях, развили в себе искреннее желание придать формам нашей коллективной жизни образ, отвечающий нашим возвышеннейшим идеалам. Временные спады не в счет, когда речь идет о великом проникновении в сокровенные глубины бытия, которое, вероятно, последует за нынешней эпохой поверхностного сумбура и поглощенности явлениями внешнего мира.

С другой стороны, если индиец времен Упанишад, буддистского периода или позднейшего классического века, очутился бы в современной Индии и увидел, что большая часть ее жизни пришлась на времена упадка, он был бы куда больше удручен, ибо испытал бы чувство национального и культурного поражения, чувство падения с высочайших вершин на уровень весьма низкий. Он даже задался бы вопросом, во что же превратили его потомки могучую цивилизацию прошлого. Он стал бы недоуменно размышлять, каким образом при наличии столь многого, что способно вдохновлять, возвышать, понуждать Индию к еще более великим свершениям и выходу за пределы собственного «я», она скатилась до нынешней бессильной и вялой неразберихи, подменила тягу индийской культуры ко все новым глубинам и ко все новому расширению окостенением, загниванием, распадом, почти что гибелью. Индиец древности увидел бы, как его народ цепляется за мертвые, ничего не значащие фор-

мы прошлого, упуская девять десятых его благородной сути. Он стал бы сравнивать духовный свет и энергию героического периода Упанишад и философских школ с позднейшей инертной, поверхностной, хаотичной, фрагментарной, подражательной работой нашей философской мысли. Привыкший к интеллектуальной любознательности, к научному поиску, к творческому литературному и художественному величию, к благородной плодовитости классического периода, он будет потрясен степенью позднейшего вырождения, умственной скудостью, малоподвижностью, статичностью, сравнительной слабостью творческой интуиции, длительным бесплодием искусства, спадом науки. Он будет негодовать по поводу непроходимого невежества, упадка некогда могучей воли и *тапасьи*, почти что бессилия воли. На месте простого и духовно рационального порядка прежних времен он обнаружит ошеломляюще хаотичную, дезорганизованную систему, лишенную сердцевины и общей гармонизирующей идеи. Он обнаружит не истинный социальный порядок, а едва сдерживаемый, но исподволь неуклонно нарастающий распад. На месте великой и гибкой цивилизации, способной к мощной ассимиляции, способной сторицей возвращать полученное, он обнаружит беспомощность и сопутствующую ей пассивность и лишь изредка слабую гальваническую реакцию на воздействия извне или на стресс от неблагоприятных обстоятельств. Рано или поздно он поймет, что утрачены сама вера и даже уверенность в себе, при-

чем настолько, что национальная интеллигенция соблазнилась отказом от древнего духа и культуры в пользу культуры чуждой, импортированной. Возможно, он даже уловит начало перемен, однако усомнится в их глубине и будет спрашивать себя, достаточно ли они значительны, чтобы спасти, достаточно ли сильны, чтобы освободить целый народ от поглотившей его сонливости и вялости, достаточно ли просвещенны, чтобы направить новую, здоровую, творческую энергию на созидание новых значимых форм для древнего духа.

Но и здесь подход с пониманием внушает скорее надежду, нежели черное отчаяние, которое может быть навеяно чересчур торопливым и поверхностным взглядом. Этот последний период индийской истории есть пример постепенной смены даже самого долгого и блистательного дня в эволюции расы – ночью. Но то была ночь, наполненная поначалу множеством ярких созвездий, и даже в самую глухую свою пору то была тьма калидасовской *вичея-тарака прабхата-калпева шарвари*[29] – «ночи, встречающей рассвет едва различимыми звездами». Даже во времена упадка не все было утрачено полностью, продолжалось необходимое развитие, происходили духовные и иные свершения, чрезвычайно важные для грядущего. В периоды самого страшного упадка дух в Индии не умирал, он, скованный и скрытый, лишь по-

---

[29] Цитируется Калидаса, «Род Рагху», III. 2. Калидаса (IV–V в.) – самый известный драматург и поэт древней Индии, заслуженно получивший мировое признание.

гружался в сон; ныне, разбуженный непрерывными могучими толчками великого самовысвобождения, он обнаруживает, что сон этот был только приготовлением новых возможностей, созревавших под покровом дремоты. Если же возвышенный, одухотворенный разум и невероятной силы духовная воля, *тапасья*, характеризовавшие древнюю Индию, оказывались не столь заметны, то появлялись новые духовные достижения, восприимчивость к духовным импульсам, возникавшим на тех более низких уровнях сознания, которые ранее себя не проявляли. Архитектура, литература, живопись, скульптура утратили величие, мощь и благородство древних времен, но в них проявились новые силы и мотивы, исполненные изысканности, живости и грации. Общий уровень культуры снизился, прежние высокие рубежи были оставлены, однако при этом накапливались новые богатства, что было необходимо для полноты духовных открытий и переживаний. Периоды упадка культуры в нашем прошлом могут даже рассматриваться как отмирание старых форм, необходимое не только для того, чтобы расчистить место новому, но и – если приложить к этому волю – для более великих и более совершенных творений.

Ибо, в конечном счете, только воля придает ценность обстоятельствам, зачастую неожиданную ценность; видимое положение вещей бывает и обманчивым. Если воля расы или цивилизации устремлена к смерти, если раса тяготеет к расслаблению, к упадку, к нездоровой вседозволенности или же

слепо отстаивает гибельные для нее качества, если она чтит только силы отжившего Времени и отворачивается от сил будущего, предпочитая жизнь былую жизни грядущей, – ничто не спасет ее от неизбежного распада или гибели, даже щедрые силы, ресурсы и ум, даже многочисленные призывы жить и все к этому возможности. Однако если раса обретает сильную веру в себя и здоровую волю к жизни, если она открывается навстречу грядущему, готовая принять все, что оно несет, достаточно сильная, чтобы совладать с ним, когда оно обнаруживает неблагоприятные тенденции, то даже из неблагоприятных обстоятельств и поражения она способна черпать силы для необратимых побед, способна восстать из явного бессилия и упадка в могучем пламени обновления к свету блистательной жизни. Индийская цивилизация готовится снова восстать в извечной силе своего духа, как восставала она всегда.

Величие идеалов прошлого есть лишь предзнаменование еще более великих идеалов будущего. Постоянное развитие того, что стояло за ее прошлыми усилиями и возможностями, – вот единственное достойное оправдание жизнеспособной культуры. Однако из этого вытекает, что цивилизованность и варварство – суть понятия относительные. С точки зрения эволюционного будущего человечества высшие достижения цивилизаций Европы и Индии предстают весьма посредственными – подобными первым проблескам зари, возвещающим величие грядущего дня. Если смотреть под

таким углом зрения, то ни Европа, ни Индия, ни какая-либо другая раса, страна или континент, ни какая-либо другая часть человечества никогда еще не достигали полной цивилизованности; ни одна из них не раскрыла полностью тайну истинного и совершенного человеческого бытия, и даже то немногое, чего удавалось достичь, никогда не воплощалось в жизнь с полным пониманием или с совершенной, всеобъемлющей искренностью. Если мы определяем цивилизацию как гармонию духа, ума и тела, то где эта гармония была вполне и по-настоящему реальна? Где не было вопиющих недостатков и болезненных отклонений? Где был окончательно и во всех своих частях раскрыт секрет полной гармонии или вся музыка жизни разрешилась триумфальной легкостью радостного, мощного, нарастающего аккорда? Повсюду бросаются в глаза уродливые, подчас «омерзительные» пятна на человеческой жизни, более того, многое из того, что мы воспринимаем совершенно спокойно и что составляет предмет нашей гордости, будущим человечеством вполне может быть оценено как проявление варварства или свидетельство нашей незрелости. Свершения, которые мы считаем идеальными, могут быть осуждены как самодовольное, слепое к собственным ошибкам несовершенство, идеи, кажущиеся нам просвещенными, будут оценены как выражение лишь отчасти просветленного видения, а то и вовсе неведения. Утратят смысл и исчезнут многие формы нашей жизни, которые представляются древними или даже извеч-

ными – как будто такое можно сказать о формах; субъективные формы, в которые мы облекаем свои наилучшие принципы, возможно, в будущем заслужат лишь снисходительного понимания. В процессе грядущего развития мало что избегнет радикального преобразования: практически все изменится почти до неузнаваемости или будет модифицировано в соответствии с условиями нового синтеза. В конечном счете, в глазах будущего человечества и Европа, и Азия могут выглядеть примерно так же, как выглядят сегодня в наших глазах дикие племена или первобытные народы. И этот взгляд из будущего, если мы способны на него, даст нам, без сомнения, самую просвещенную и самую динамичную точку зрения для оценки нашего настоящего, однако при этом сравнительная оценка прежних достижений нашей культуры с нынешними, а также сравнение их с достижениями культур других стран и народов не утратят своего значения.

Ибо именно прошлое и настоящее ложатся в основу величайших свершений будущего, и многое из того, что принадлежит прошлому и настоящему, займет достойное место в новом мироустроении. За несовершенством формаций культуры скрывается неизменность совершенного духа, на который нам следует опираться и который пребудет неизменным во веки веков; существуют фундаментальные мотивации или базовые идеи-силы, которые невозможно отбросить в сторону, так как они являются частью жизненного принципа нашего бытия и нашего природного предназначения, на-

шей *свадхармы*. Но эти мотивации, эти идеи-силы немногочисленны и просты по сути, они применимы в самых разных вариантах. Все же остальное относится к более поверхностным слоям нашего бытия и неизбежно должно испытывать на себе давление перемен и соответствовать поступательному движению Духа-Времени. Существует этот неизменный дух в природе вещей и эта устойчивая *свадхарма*, или закон нашей природы, но наряду с ними существует и менее обязывающая система законов вторичного порядка – ритмы духа, формы, витки, природные склонности, которые претерпевают изменения во времени, *югадхарма*. Раса должна следовать двойственному принципу устойчивости и изменчивости или расплачиваться упадком и застоем, способным поразить даже ее жизненный центр.

Мы, без сомнения, должны активно отражать любые нападки, ослабляющие нас или наносящие нам урон, однако гораздо важнее для нас выработать свою собственную, правильную и независимую оценку наших прошлых достижений, нашего нынешнего положения и наших будущих возможностей: чем мы были прежде, что являем собой теперь и чем можем стать. В прошлом мы должны выделить все великие, существенные, возвышающие, жизнеспособные, просвещающие, победоносные, эффективные элементы. Затем из них мы должны вычленить то, что близко неизменному, сущностному духу и устойчивому закону нашего культурного бытия, отделив все временное и преходящее. Ибо не все,

что было великим в прошлом, может быть сохранено в том же виде или повторяться до бесконечности; у нас есть новые потребности, перед нами открываются новые горизонты. И мы также должны определить, что оказалось слабым, недостаточно развитым, несовершенно сформулированным или просто соответствовало ограниченным рамкам своего времени или было порождено неблагоприятными обстоятельствами. Бессмысленно настаивать, будто все в прошлом, все без исключения, даже в пору высочайших взлетов, было совершенно великолепным или являлось высшим достижением человеческого разума и духа. Затем нам следует сравнить наше прошлое с нашим настоящим, разобраться в причинах, приведших к упадку, и искать способ избавиться от наших недостатков и пороков. Ощущение величия нашего прошлого не должно фатально гипнотизировать нас, доводя до инертности; скорее оно должно вдохновлять нас на новые, еще более великие свершения. Но и критикуя настоящее, мы должны избегать односторонности, с недалеким бесстрастием осуждая все, что мы есть, или все, что мы сделали. Не льстить себе, не закрывать глаза на проявления упадка, не пачкать в собственном гнезде в погоне за одобрением чужестранца – мы должны отдать себе отчет в истинных масштабах своей слабости и ее причинах, но при этом еще тверже устремить взгляд на элементы силы, на постоянно существующие возможности, на динамичные импульсы самообновления.

Второй момент – сопоставление Запада с Индией. Непредубежденная оценка прошлого Запада и прошлого Индии откроет нам западные успехи, дары, принесенные Западом человечеству, но одновременно и зияющие провалы, бросающиеся в глаза недостатки и даже «отталкивающие» пороки и неудачи. На другую чашу весов мы поместим успехи и неуспехи древней и средневековой Индии. И обнаружим, что не столь уж многое заставляет нас склонить головы перед Западом, и что в целом мы поднялись на вполне достойный уровень, а в ряде вопросов – неизмеримо превзошли западную цивилизацию. Однако после этого необходимо внимательно рассмотреть настоящее Запада с его мощными успехами, жизненностью и победоносностью. Принимая все, что было великого на Западе, мы внимательно отметим все присущие ему недостатки, ошибки, опасные тенденции. И с этим опасным величием нам предстоит сравнить настоящее Индии, оценив ее упадок и причины, к нему приведшие, возможности ее возрождения, элементы ее превосходства над Западом в настоящем и грядущем. Давайте рассмотрим и оценим то, что нам неизбежно предстоит позаимствовать у Запада, и подумаем, как соединить это с нашим духом и идеями. Но заодно рассмотрим и существующие в нас неисчерпаемые источники национальной силы, из которых мы можем черпать более живительные и освежающие соки, нежели те, что может предложить нам Запад. Это гораздо полезнее, чем бездумное принятие западных форм и моти-

ваций, поскольку такой путь естественнее для нас, он будет активнее стимулировать наши природные особенности, придаст нам более энергичный творческий импульс, будет легче восприниматься нами и действеннее воплощаться в жизнь.

И все же куда полезнее этих необходимых сопоставлений был бы прямой взгляд из нашего прошлого и настоящего в наше собственное, не связанное ни с какими чужеземными идеалами, будущее. Именно наше эволюционное движение к будущему раскроет подлинное значение и ценность и прошлого, и настоящего Индии. Характер Индии, ее миссия, ее предназначение, ее роль в судьбе планеты, особые силы, воплощенные в ней, – все это отражено в ее прошлой истории и позволяет понять скрытый смысл ее нынешних мук и страданий. Формы духа должны будут претерпеть изменения, но нам предстоит освободить и сберечь сам дух, дать ему новое, могучее воплощение – в мысли, в культурных ценностях, – наделить его новым инструментарием, укрепить более масштабными фигурами. До тех пор, пока мы помним главное и остаемся верны его духу, нам не причинят вреда ни самая резкая психологическая и физическая адаптация, ни даже самые экстремальные культурные и социальные перемены. Правда, перемены эти должны отвечать духу и укладу Индии, а не духу Америки или Европы, и не укладу Японии или России. Мы должны осознать, сколь глубокая пропасть лежит между тем, что мы есть, и тем, чем могли бы стать и к чему должны стремиться. Нам не нужно при этом отказы-

ваться от того, что мы есть, от верности нашему духу – нам следует продумать свое продвижение вперед, найти верное направление этого продвижения, открыть в себе необходимые устремленность и вдохновение, силу и энергию, чтобы осмыслить и осуществить его.

Если мы намерены занять подобную позицию и двигаться вперед, нам потребуется самобытное мышление, направленное на поиск истины, сильная и смелая интуиция, непреклонная духовная и интеллектуальная честность. Решимость защищать нашу культуру от невежественных западных критиков и отстаивать ее в обстановке гигантского давления современности – это главное, но необходима также и смелость, которая позволит нам признать (не с европейской точки зрения, а с нашей собственной) недочеты нашей культуры. Помимо явлений упадка и разложения, мы должны без всяких хитроумных уловок признать также, что некоторые аспекты наших концепций жизни и социальных институтов сами по себе ошибочны, иные из них просто не имеют оправдания, они ослабляют национальную жизнь, унижают индийскую цивилизацию, позорят культуру Индии. Ярким примером этого может служить наше отношение к неприкасаемым. Находятся люди, готовые объяснить это явление, как ошибку, неизбежную в сложившихся в прошлом обстоятельствах; есть и другие, те, кто утверждает, что в свое время подобное отношение было наилучшим из возможных выходов. Третьи же и вовсе оправдывают отношение к неприкасаемым и го-

товы, пусть с некоторыми оговорками, считать его и впредь необходимым для нашего социального синтеза. Но если и можно принять рассуждения о неизбежности подобного отношения в прошлом, то согласиться с оправданием его сегодня невозможно. Сама постановка вопроса вызывает большие сомнения. Национальная идея, согласно которой шестая часть нации обрекается на вечные унижения, на прозябание в грязи – как внутренней, так и внешней, – на страшное, полуживотное существование, демонстрирующая нежелание общества помочь своим гражданам подняться с колен, есть лишь примирение со слабостью, с незаживающей раной на теле общества, его коллективного духовного, интеллектуального, морального и материального благополучия. Социальный синтез, способный существовать лишь при условии постоянной социально приемлемой деградации людей, наших сограждан, заслуживает решительного осуждения и ведет к упадку. Его дурные последствия могут не проявляться в течение длительного времени и существовать в виде неприметных воздействий закона Кармы, но стоит свету Истины пролиться на эти мрачные вещи, как становится очевидным, что сохранять их невозможно, ибо само их сохранение несет в себе семена раздора и губит наши шансы на выживание.

И вновь обратим взор на культурные концепции Индии, на наши социальные установления, чтобы понять, в чем они утратили свой прежний дух и подлинную значимость. Многое превратилось просто в фикцию и перестало соответство-

вать декларируемым идеям или реалиям жизни. Что-то, возможно, и хорошо само по себе или было благотворным когда-то, но сегодня перестало отвечать потребностям нашего развития. И те, и другие элементы должны быть либо трансформированы, либо отвергнуты, и им на смену должны прийти идеи, более полно выражающие истину, более зрелые. Новая жизнь, которую мы должны в них вдохнуть, не обязательно будет означать возрождение их прежнего значения. Новые динамичные истины, которые нам предстоит открыть, не должны быть стеснены ограниченной правдой былого идеала. Мы должны осветить лучом духа наши прежние и нынешние идеалы и посмотреть, не следует ли превзойти их пределы, расширить или иным способом привести их в соответствие с новыми, более масштабными представлениями. Все, что мы делаем, все, что мы созидаем, должно отвечать подлинному, непреходящему духу Индии, но в то же время быть частью более великого гармонического ритма, обладать пластичностью, соответствующей яркому будущему. Если вера в себя и верность духу нашей культуры есть первейшая предпосылка нашего самосохранения и жизнеспособности, то не менее существенным является и осознание великих возможностей. Полнокровное, победоносное будущее невозможно, если мы превратим прошлое в фетиш, вместо того чтобы черпать в нем вдохновляющую силу.

Дух и идеалы нашей цивилизации по большей части не нуждаются ни в какой защите, суть же их имеет непреходя-

щую ценность. Индия целеустремленно, напряженно и результативно искала их в себе, как искали их в себе отдельные индивиды. Однако их приложение к коллективной жизни общества вызывает серьезные сомнения. Оно никогда не было достаточно смелым и последовательным, с течением же времени, по мере того как в народе слабела жизненная сила, становилось все более ограниченным и малоэффективным. Этот дефект, разрыв между идеалом и коллективной практикой, – явление всеобщее и присущее не одной только Индии, но у нас это расхождение в конечном счете наложило печать слабости и упадка на все общество. Вначале прилагались большие усилия для достижения некоего синтеза между внутренним идеалом и житейской практикой, но все окончилось статичной регламентацией общественной жизни. У нас всегда сохранялся общий принцип духовного идеализма, трудно определимого единства и утвердившихся форм взаимоподдержки, но параллельно усиливалась строгая иерархичность, многосторонняя раздробленность и усложненность структуры общества, приводящая к социальной разобщенности. Великие ведические идеалы свободы, единения и присутствия божественного начала в человеке оказались достоянием отдельных, продвинувшихся благодаря собственным духовным усилиям личностей. Пошла на спад сила распространения и ассимиляции этих идеалов, а когда в страну вторглись мощные и агрессивные силы извне – исламские и европейские завоеватели – индус-

ское общество смирилось с оккупацией, довольствуясь статичным самосохранением и тем, что ему позволили существовать. Формы жизни становились все более узкими, проявления древнего духа – все более ограниченными. Мы выжили, мы спасли себе жизнь, но эта жизнь не имеет подлинной устойчивости и силы, это, скорее, жалкое прозябание, лишенное величия, унылое и бесславное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.